Ч 44/450
Б.Ф.

Д/45430 ч44 450

СБОРНИКЪ

"ДЕНЬ ТОРГОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ"

Н. Новгородъ

17 февраля 1916 года.

ЗАЩИТНИКАМЪ РОДИНЫ

Рис. Л. Діаманта

Типо-Литогр. „Нижегородск. Печатное Дѣло" З. А. Остафьевой въ Н.-Новгородѣ.

244—450
59735/90
Госудор. публичная Историческая библиотека РСФСР № 25108 1963

15/II—1916 г.

Къ продажѣ на улицахъ разрѣшается. Губернаторъ

17-го февраля 1916 года.

ТОВАРИЩИ!

Война затянулась и потребовала такихъ колоссальныхъ жертвъ, какихъ нельзя было и предвидѣть. Но даетъ-ли это намъ, находящимся въ тылу арміи, основаніе приходить въ уныніе и опускать руки? Нѣтъ и нѣтъ! Видя ошибочность прежнихъ разсчетовъ и сознавая слабость организаціи нашего тыла, мы должны сплотиться и не покладая рукъ, не щадя силъ и средствъ, работать въ помощь нашей арміи.

Какъ триста лѣтъ тому назадъ нижегородцы поднялись на защиту родины, такъ и теперь мы должны идти на всякія жертвы для нашихъ защитниковъ. Широкіе слои русскаго общества, крупныя и мелкія организаціи уже откликнулись на нужды войны. Очередь за нами! По долгу совѣсти и наша семья торгово-промышленныхъ служащихъ должна придти на помощь нашему доблестному солдату.

Съ этой цѣлью Нижегородское Общество Вспоможенія Частному Служебному Труду взяло на себя починъ объединить торгово-промышленныхъ служащихъ г. Н.-Новгорода и устроить въ пользу русской арміи сборъ пожертвованій, назвавъ его „День Торговыхъ Служащихъ“.

Настоящая война далеко не походитъ на войны прежнихъ временъ; это не война правительства и ихъ войскъ, а въ буквальномъ смыслѣ—война народовъ. При такомъ положеніи хорошо организованный тылъ такъ же необходимъ арміи, какъ для тыла необходима бодрая, хорошо организованная армія. Тылъ и армія въ настоящую войну должны быть тѣсно связаны, и тамъ гдѣ эта связь прочнѣе, тамъ больше и успѣха. Нашъ врагъ гордится совершенствомъ организаціи своего тыла,—въ этомъ его огромное преимущество, этимъ онъ силенъ. Поспѣшимъ же и мы не отставать въ этомъ отношеніи.

Мы должны помнить, что наступитъ моментъ, когда страна спроситъ каждаго: „чѣмъ помогъ ты арміи, томившейся въ окопахъ и проливавшей свою кровь?“ И каждый долженъ будетъ дать отвѣтъ.

Товарищи! Насъ большая семья; такъ давайте же направимъ дружно наши силы къ общей цѣли, чтобы въ моментъ, когда придется держать отвѣтъ, мы, не краснѣя, могли сказать: „насколько было силъ, средствъ и разумѣнія, мы сдѣлали все, чтобы облегчить арміи борьбу съ врагомъ!“

Не меньшихъ заботъ и помощи требуютъ также наши защитники родины, попавшіе въ плѣнъ, и защитники, ставшіе инвалидами. Откликнемся же и на эту вопіющую нужду.

Намъ, находящимся въ тылу, живется сравнительно уютно и тепло. Что значатъ всѣ наши нужды и мелкія заботы въ сравненіи съ тѣми лишеніями, какія переноситъ наша армія! А потому мы и должны поступиться въ ея пользу, не только полудневнымъ своимъ заработкомъ, но и гораздо большими жертвами. Сократимъ же, хотя на одинъ день, свои потребности, свои прихоти и отдадимъ сбереженія этого дня нашему солдату.

Москва, Екатеринодаръ и др. города, благодаря дружной работѣ, достигли блестящихъ результатовъ въ свои „Дни Торговыхъ Служащихъ". Послѣдуемъ и мы ихъ примѣру и внесемъ свою лепту въ общее великое дѣло единенія и помощи. Пусть сознаніе, что и мы посильной жертвой учавствовали въ титанической, міровой борьбѣ народовъ, послужитъ намъ лучшей наградой.

И такъ товарищи, друзья и граждане! Съ сознаніемъ великаго долга передъ нашими защитниками, искупающими своею кровью наше спокойствіе, отдающими беззавѣтно свою жизнь за родину,—дѣлитесь каждый своимъ трудовымъ заработкомъ, памятуя, что все собранное пойдетъ:

СОЛДАТУ ВЪ ОКОПАХЪ,
СОЛДАТУ ВЪ ПЛѢНУ,
СОЛДАТУ ИНВАЛИДУ.

Организаціонный Комитетъ.

По снимку М. Дмитріева. „ВОЗЗВАНІЕ МИНИНА". Худ. Маковскаго.

(Картина находится въ залѣ Нижегородской Городской Думы.)

КОМИТЕТЪ по ОРГАНИЗАЦИИ
„ДНЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ"

Н.-НОВГОРОДЪ,
Б.-Покровка, д. Фролова.

При О-вѣ Вспоможенія Частному Служебному Труду.

Телефонъ 9-43.

Марта 10-го дня 1916 г.

В Нижегородскую Ученую Архивную Комиссію.

Редакціонная Комиссія Комитета по устройству „Дня торгово-промышленныхъ служащихъ Н.-Новгорода" въ пользу русской арміи при сем препровождает Архивной Комиссіи экземпляр Литературнаго сборника изданнаго в день 17-го февраля 1916 г. при участіи Нижегородскихъ литераторовъ. На семъ экземпляр имеется собственноручная надпись г. Главноначальствующаго Нижегородской губерніи А. Ф. Гирса - о разрешеніи сборника для уличной продажи.

По поручению Комиссіи
Секретарь А. Бутлеров

Воронъ.

Оконченъ бой. Надъ взрытыми полями,
Гдѣ раньше тучно наливалась ярь,
Теперь безгранно-жуткими пластами
Легла удушливая гарь.
Оконченъ бой, но воздухъ мутно-синій
Въ невѣрной тишинѣ еще дрожитъ,
И на валу сырыхъ окопныхъ линій
Добычу воронъ сторожитъ.
Ни звука, ни души. Судьбѣ покорный,
Стоитъ безмолвно обожженный дубъ
И близъ него безпечно хищникъ черный
Клюетъ окоченѣвшій трупъ.

Ал. Бѣлозеровъ.

Отклики изъ окоповъ.

«Такъ помогайте намъ, дорогіе радѣтели, все же намъ тутъ повеселѣе будетъ»...

(Изъ писемъ Канавинскому Дамскому Комитету).

Передо мной лежатъ разнообразные листочки, тые, изорванные, покрытые грязью—и я прикасакъ нимъ съ благоговѣніемъ: эта грязь—священемлица изъ окоповъ; эти листочки—письма на солдатъ, нашихъ «сѣрыхъ дѣтей», какъ они себя называютъ, нашихъ героевъ, какъ мы смѣемъ ихъ назвать. Что больше въ состояніи ать человѣкъ? Не задумываясь, просто они отдаединственную истинную цѣнность человѣка—жизнь—отдаютъ ее легче и самоотверженнѣе, ли какой-нибудь богачъ даетъ ничтожную чаотъ избытка благъ своихъ.

Самыя кровавыя страницы этой войны, которыя вляютъ содрогаться многихъ изъ насъ, оставляетронутой дѣтски-наивную и чистую душу прорядового. Привожу на выдержку нѣсколько мъ нашихъ славныхъ героевъ съ позиціи, ярко совывающихъ ихъ настроеніе...

18 мѣсяцевъ войны, кромѣ, крови человѣческой, въ, площадныхъ словъ и мученій,—ничего не Мы будто одичали—кругомъ видимъ одну ко грубость и дикость».

И тѣмъ не менѣе дальше:

«Какъ ваши подарочки получили, такъ будто ъ родномъ селѣ на базарѣ побывалъ и всего накупилъ. Получили мы табачку, чаю, сахару, сушки, мыльце, конфекты. Пили съ товарищами чай и васъ по-хорошему вспоминали. Вѣдь отъ добраго дѣла всегда доброе и получается»...

Другой не умѣетъ такъ опредѣленно выразить свои чувства и говоритъ о подаркахъ съ наивнымъ восхищеніемъ, поневолѣ вызывающимъ улыбку.

«Мы или же нижніе чины *** полка 5-й роты посылаемъ свою великую благодарность за то, что вы не забываете насъ, служивыхъ. Когда получили ваши посылки, такъ мы были довольны, какъ дѣти и съ радостью принялись ихъ получать. Мы, или же, напримѣръ, какъ я 1 годъ и 5 мѣсяцевъ не видѣлъ глазами и не думалъ уже, что мнѣ придется отвѣдать такихъ искусственныхъ съѣстныхъ употребленій»...

И еще:

«Мы получили ваши драгоцѣнные подарки и, хотя время было очень трудное, но ваши подарки такъ сладки, что съ ними время проходило очень скоро».

Какой-то артиллеристъ пограмотнѣе болѣе здраво смотритъ на вещи и пишетъ болѣе независимо:

«На 2-й день Р. Х. мы получили ваши подарки и очень были рады, что вы насъ не забыли въ такую тяжкую минуту нашей жизни. Вѣдь мы уже 2-е Рождество провожаемъ подъ свистомъ непріятельскихъ шрапнелей. Вы этотъ праздникъ встрѣчали въ домахъ хорошо убранныхъ, ходили въ церковь Божью;

а мы въ окопахъ среди чистаго поля, и вмѣсто церковнаго пѣнія мы слышали свистъ полета непріятельскихъ снарядовъ; но и сами отвѣчали тѣмъ же»...

Другой грамотѣй снисходительно хвалитъ подарки.

«Подарки ваши составлены внимательно и умѣло: вещи въ кулькахъ самыя необходимыя и лакомства по солдатски хороши».

Но меня тянетъ больше къ этимъ безграмотнымъ неуклюжимъ каракулямъ. Слова бѣдны, но здѣсь больше искренняго и непосредственнаго чувства, нежели въ ловко составленныхъ фразахъ.

— «Не могу описать, какъ остались мы довольны вашими подарками. Много было радости въ душѣ, когда стали ихъ дѣлить между нами, и великое вамъ спасибо, что не забываете насъ, заброшенныхъ на чужую сторону, далеко отъ семьи и родныхъ. Такъ мы хотя будемъ знать, что про насъ на родинѣ не забыли въ такія тяжкія для насъ времена»...

«Спѣшимъ поблагодарить васъ за подарочки, полученные въ день Новаго Года, благодаря чему мы провели этотъ день по праздничному, и еще, и еще благодаримъ васъ. Вашъ подарочекъ такъ дорогъ для насъ на полѣ брани, и поэтому не можемъ его оцѣнить, сколько онъ бы стоилъ. Ваши сѣрыя дѣти».

«Какъ васъ только благодарить за ваши дорогіе подарки и что вы не забываете насъ въ этомъ суровомъ краю, въ которомъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ нашимъ лютымъ врагомъ. Неужели намъ придется и еще проводить такіе великіе дни въ окопахъ на позиціи? Тогда молимъ васъ, не забывайте объ насъ, и мы это легче перенесемъ»...

Это пишетъ пессимистъ. Но, къ чести нашей арміи, надо предположить, что въ ней больше оптимистовъ.

Одинъ галантно шутитъ.

— «Пьемъ чай за ваше здоровье, госпожа Дамскій Комитетъ, и вспоминаемъ васъ добрымъ словомъ за пряники, конфекты и табачекъ. Только жалѣемъ, отчего бы вамъ не догадаться положить намъ ножичекъ карманный? Иной разъ раненаго перевязать приходится, и безъ ножа неудобно. Да хорошо бы еще гармошку для развеселенія нашей ужасной скучной жизни».

Другой тоже не унываетъ:

«Спѣшу сообщить, что гостинецъ вашъ получили, за что сердечно благодаримъ отъ всей грубой заржавленной души! И вмѣстѣ съ этимъ шлемъ привѣтъ съ Новымъ Годомъ. Пока остаемся живы, но впередъ не ручаемся... Ваши храбрые солдатики».

И даже бородачъ—запасный 40 лѣтъ (какъ онъ любезно сообщаетъ) розово смотритъ на будущее.

«Молитесь Богу, чтобъ покорить врага, тогда пріѣдемъ домой съ большой славой, и не только мы будемъ радоваться нашей побѣдѣ, мы, которые кровь проливали, но даже тѣ, которые все на печкѣ лежали и не знали, что это за слово—война!»

С. Г.

Зимній вечеръ.

Зимній вечеръ длится, длится,
Домъ объемлетъ тихій сонъ,
Только матери не спится
И сквозь вьюгу все ей мнится,
Что тихонько въ дверь стучится
Запоздавшій почтальонъ.
Буря-ль взвоетъ, негодуя,
Вѣтка стукнется въ окно—
Сердце вздрогнетъ, точно чуетъ
Что-то жуткое оно.
Протоскуетъ мать до свѣту
(Тутъ какой ужъ будетъ сонъ)
Долго что-то писемъ нѣту:
Живъ ли сынъ? Здоровъ ли онъ?
Тамъ, гдѣ ужасъ, тамъ, гдѣ битвы,
Гдѣ ручьями льется кровь,—
Охраняютъ-ли молитвы
Сберегаетъ-ли любовь?

За дверями вьюга злится,
Это вѣрно, неспроста!
Бѣдной мамѣ злое мнится
И не дремлется, не спится,
Будетъ ночь она молиться
Предъ иконою Христа...
Только сынъ ужъ не услышитъ,
Не увидитъ мать свою:
Въ полѣ онъ лежитъ, чуть дышетъ,
Тяжко раненый въ бою...
За дверями вьюга злится,
Домъ объемлетъ тихій сонъ;
Скоро, скоро постучится
Запоздавшій почтальонъ...

А. Истоминъ.

Отзвуки битвъ.

Разсказъ.

I.

Выставка была средняя, конечно, по сравненію съ такими же провинціальными выставками, которыя устраиваютъ мѣстныя общества любителей художествъ. Было съ полдюжины полотенъ столичныхъ художниковъ, было нѣсколько картинъ мѣстныхъ художниковъ, возбуждающихъ досаду бьющимъ въ глаза несоотвѣтствіемъ между глубокимъ замысломъ и слишкомъ мелкимъ исполненіемъ, а въ большинствѣ были болѣе или менѣе прилично написанные уголки и портреты, та художественная труха, по которой равнодушно скользишь взглядомъ, а послѣ ни за что не вспомнишь ни одного отдѣльнаго вида, ничего не выдѣлишь изъ безалаберной кучи деревьевъ, облаковъ, рѣчекъ, цвѣтовъ, написанныхъ съ различнымъ умѣньемъ, но поразительно одинаковыхъ, словно штампованныхъ.

Крестоминъ собрался на выставку уже наканунѣ ея закрытія, въ ясный, почти жаркій апрѣльскій день. Посѣтителей было немного, словно сонныя мухи бродили—они между картинъ, лишь изрѣдка обмѣниваясь короткими замѣчаніями. Только въ маленькой комнаткѣ у картины, изображавшей нагую женщину, было оживленнѣй. Четверо молодыхъ людей, съ провинціальной утрированностью подражавшихъ столичнымъ пшютамъ, горячо спорили о томъ, съ которой изъ мѣстныхъ «фей» написана «Женщина на коврахъ», какъ называлась картина въ каталогѣ. Два юныхъ, бѣлобрысыхъ гимназистика внимательно слушали, разинувъ рты. Волосатый брюнетъ въ косовороткѣ и потертомъ пиджакѣ презрительно косился на молодыхъ людей, сосредоточенно грызъ ногти и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ о свиньѣ и апельсинахъ. Поодаль отъ этой группы стоялъ, прислонившись плечемъ къ косяку окна, человѣкъ среднихъ лѣтъ въ очень потертой пиджачной тройкѣ.

Обогнавшая Крестомина стройная гимназистка въ сѣромъ, запачканномъ чернилами платьѣ мелькомъ взглянула на голубую женщину и, смущенно моргая большими темно-сѣрыми глазами, отошла къ окну, очистивъ мѣсто Крестомину. Тѣло женщины было изображено анатомически правильно, но жизни въ немъ не чувствовалось, да изображенныя художникомъ тѣни отъ ковровъ казались пятнами экземы; почти все въ отдѣльности было сносно и мѣстами даже хорошо, но не было въ картинѣ того неуловимаго, что соединяетъ детали въ нѣчто слитное и превращаетъ картину въ произведеніе подлиннаго искусства,—не было настроенія.

— Не слышали?! А я вотъ слышалъ... Да куда вы?

Крестоминъ обернулся къ окну. Гимназистка быстро прошла мимо, испуганно озираясь назадъ. Незнакомецъ у окна смотрѣлъ ей въ слѣдъ широко-открытыми глазами, въ глубинѣ которыхъ сверкали яркіе зеленоватые огоньки. Что-то было жуткое во всей фигурѣ этого страннаго человѣка, Крестомину стало не по себѣ, и онъ поспѣшилъ уйти изъ комнаты.

На хорахъ было продолженіе выставки, здѣсь Крестоминъ остановился передъ небольшимъ этюдомъ рощи надъ рѣкой. Этюдъ очень удался художнику, особенно золотисто-голубая даль и зеленоватыя тѣни на зеркально-неподвижной поверхности рѣки, только кучка небывало-крупныхъ и ненатурально яркихъ цвѣтовъ на первомъ планѣ портила картину. Крестоминъ устроился такъ, чтобы не видѣть этого раздражающаго, рѣзкаго пятна, и картина тронула его душу, вызвала представленіе о жаркихъ лѣтнихъ дняхъ, зеленыхъ прохладныхъ тѣняхъ, защищавшихъ отъ зноя его непокрытую голову, когда онъ удилъ рыбу, такъ же сосредоточенно и терпѣливо, какъ удитъ изображенный на картинѣ мальчикъ...

Шаркающіе лѣнивые шаги раздались на лѣстницѣ. Крестоминъ очнулся. Передъ нимъ стоялъ незнакомецъ въ потертомъ костюмѣ, такъ испугавшій чѣмъ-то гимназистку.

— Виноватъ, вы стоны земли слышали?—хриплымъ, простуженнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Земли?

— Ну да, земли! Не слыхали? А я каждую ночь слышу. Выхожу ночью въ поле и слушаю. Жалобно стонетъ она, съ такой, понимаете безысходной тоской и мистической покорностью судьбѣ, какъ всякая мать... Оно и понятно,—люди, дѣти земли, убиваютъ и калѣчатъ другъ друга, ну мать и тоскуетъ и стонетъ... И чѣмъ кровопролитнѣй битва, тѣмъ громче и жалобнѣй стонетъ земля...

— Но, послушайте, этого же не можетъ быть,— перебилъ Крестоминъ.

— Не можетъ быть? снисходительно улыбнулся незнакомецъ.—А вы вотъ сходите-ка ночью въ поле...

— Почему ночью и почему въ поле?—раздраженно спросилъ Крестоминъ.

Гнѣвный огонекъ сверкнулъ въ болѣзненно-расширенныхъ зрачкахъ незнакомца.

— Потому ночью, что днемъ шумъ всякій стоны заглушаетъ, а городъ и ночью шумитъ, потому и нужно въ поле выходить... Выйдите, встаньте тихо и склонитесь къ землѣ, а еще лучше, ухомъ приложитесь къ ней—и услышите...

— У васъ просто галюцинація,—вѣдь стонать отъ тоски можетъ только существо одушевленное...

— Одушевленное? Земля—мать, а материнство одушевляетъ... И вѣдь не одинъ я слышу,—многіе ходятъ, сами можете убѣдиться, особенно женщины, собираются группами и подъ охраной одного или нѣсколькихъ мужчинъ слушаютъ...

— Что же это, массовое помѣшательство?

— Вы навѣрное думаете, что и я сумасшедшій?—засмѣялся незнакомецъ.—Думаете, и эти слушающіе только въ моемъ воображеніи существуютъ, а вотъ сами теперь убѣдитесь и стоны услышите и слушающихъ увидите...

— Да кто вамъ сказалъ, что я пойду!?—крикнулъ Крестоминъ.—Дуракъ что-ли я, чтобы такими глупостями заниматься!?

— Пойдете, по глазамъ видно, что пойдете!—съ непоколебимой увѣренностью проговорилъ незнакомецъ. Жутко стало Крестомину отъ этой увѣренности.

— Да зачѣмъ я пойду?—словно оправдываясь, проговорилъ онъ.—Вѣдь не могу же я повѣрить, что земля дѣйствительно стонетъ, какъ человѣкъ?

— Этого и не нужно,—хитро подмигнулъ незнакомецъ,—не всѣмъ дано это чувствовать, большинство думаютъ, что пушечный грохотъ такимъ стономъ сюда докатывается...

— Этого не можетъ быть! Вѣдь даже по прямой линіи тысячи полторы верстъ будетъ отсюда до полей-то сраженій...

— Но и грохотъ-то сильный... Ничего невѣроятнаго нѣтъ, что по землѣ доходитъ...

— Такъ зачѣмъ же все таки слушаютъ-то, не понимаю я?

— Какъ зачѣмъ? Тамъ братья, дѣти, мужья... Да вы сами отлично понимаете—зачѣмъ, а когда послушаете, еще лучше понимать будете...

— Кто вамъ сказалъ, что я слушать буду?!

— Ну, полноте—полноте, не горячитесь, вижу вѣдь я, наметался... Идутъ сюда. Прощайте...

Онъ юркнулъ куда-то на хоры. По лѣстницѣ, громко разговаривая искусственно-картавыми голосами, поднимались пшютоватые молодые люди. За ними, словно двѣ маленькихъ сѣрыхъ собаченки, бѣжали въ припрыжку гимназисты.

II.

Съ выставки Крестоминъ пошелъ гулять въ городской садъ, на берегъ Волги. Снѣгу ужъ совсѣмъ не было, на кустахъ зеленѣли первые листочки, набухшія почки на деревьяхъ начинали лопаться, тополя и осокори были унизаны сережками цвѣтовъ. Ледъ еще не тронулся, но такъ былъ хрупокъ и такъ велики были закраины, что съ вечера не пускали черезъ рѣку даже пѣшеходовъ. По дорожкамъ сада двигалась сплошная, пестрая толпа гуляющихъ, слитный гулъ отъ шарканья ногъ и говора висѣлъ въ воздухѣ.

Мысль о странномъ незнакомцѣ и стонахъ земли не покидала Крестомина.

— Не уловка ли это жуликовъ, обирающихъ довѣрчивыхъ обывателей?—неожиданно подумалъ онъ, но сейчасъ же почувствовалъ несостоятельность этой догадки,—ужъ слишкомъ искренентъ былъ незнакомецъ, слишкомъ глубоко захваченъ своей идеей, онъ могъ быть и вѣроятно былъ сумасшедшимъ, но ни въ какомъ случаѣ не жуликомъ.

— Галлюцинація, вѣроятно,—вѣдь нельзя допустить, чтобы на такомъ разстояніи можно было уловить отзвуки сраженій,—рѣшилъ Крестоминъ, но сейчасъ же вспомнилъ, какъ слышалъ выстрѣлы пушекъ во время маневровъ, за семьдесятъ верстъ отъ мѣста, гдѣ происходили они.

Это было въ началѣ августа, дни стояли тихіе, жаркіе. Рябчики еще держались выводками, бить ихъ было не трудно съ подхода. Крестоминъ возвращался домой и около самаго поля, въ ельникѣ, гдѣ никогда никакой дичи, кромѣ зайцевъ, не было, услышалъ звукъ, похожій на тотъ, который производятъ при взлетѣ рябчики: фрры! Сразу замеръ и насторожился. Опять раздался тотъ же звукъ, но въ какой сторонѣ—разобрать не удалось. Крестоминъ пошелъ наудачу, исходилъ весь ельникъ, время отъ времени слышалъ странный звукъ, но не могъ понять—откуда онъ исходитъ. Въ деревнѣ объѣздчикъ, бывшій артиллеристъ, объяснилъ, что странный звукъ—отголосокъ пушечной пальбы на маневрахъ въ губернскомъ городѣ. Объѣздчикъ увѣрялъ, что въ тихую погоду всегда слышенъ этотъ гулъ, да Крестоминъ уже не сомнѣвался въ происхожденіи страннаго гула: онъ, дѣйствительно, былъ похожъ на отдаленные раскаты выстрѣловъ и показался ему похожимъ на шумъ, производимый взлетавшими рябчиками только потому, что за недѣлю безпрерывной охоты онъ привыкъ прислушиваться, не раздастся ли гдѣ характерное фырчаніе рябчика...

— На маневрахъ участвовали только двѣ батареи, и было слышно не ближе, какъ за семьдесятъ верстъ по прямой линіи, какъ же далеко можетъ долетать отзвукъ того невѣроятнаго грома, который производятъ сотни пушекъ во время сраженій?— подумалъ Крестоминъ, но сейчасъ же и разсердился на себя за это.—Да мнѣ-то что? Ну зачѣмъ я объ этомъ думаю?..

Почему-то не сказалъ Крестоминъ о странной встрѣчѣ на выставкѣ ни квартирной хозяйкѣ, одинокой пожилой женщинѣ, ни сосѣдямъ по комнатамъ,—чахоточному статистику и веселому, жизнерадостному репортеру мѣстной газеты, хотя за обѣдомъ и былъ разговоръ о выставкѣ.

Чѣмъ ближе подходило время къ вечеру, тѣмъ нервнѣй и безпокойнѣй становился Крестоминъ. Онъ ни на минуту не допускалъ даже мысли о томъ, чтобы пойти послушать стоны земли, но въ то же время гдѣ-то въ непосягаемой глубинѣ души былъ увѣренъ, что обязательно пойдетъ...

Стемнѣло. Крестоминъ зажегъ лампу и взялся за книгу, но читать не могъ,—мѣшало странное, все усиливавшееся безпокойство.

— Пойти прогуляться что-ли,—пробормоталъ Крестоминъ и, поспѣшно одѣвшись, вышелъ на улицу. Пошелъ онъ въ противоположную отъ поля сторону—къ городскому саду на берегу Волги.

За день было пять подвижекъ льда, ледохода ждали съ часа на часъ, публики въ саду было немного меньше, чѣмъ днемъ. Крестоминъ разыскалъ свободное мѣстечко на длинной скамейкѣ, сѣлъ и задумался. Думалъ все о томъ же,—о странномъ незнакомцѣ, о стонахъ земли, о непонятномъ, безпокойномъ любопытствѣ, такъ властно влекущемъ его въ поле...

Бой башенныхъ часовъ заставилъ Крестомина встрепенуться; онъ поглядѣлъ на свои часы, было двѣнадцать. Толпа гуляющихъ сильно порѣдѣла. На скамейкѣ сидѣла уже только одна женщина, явно старавшаяся обратить на себя вниманіе Крестомина.

— Пора и спать,—подумалъ онъ поднимаясь.

— Можетъ, проводите меня,—съ нарочитой грубоватостью спросила женщина. Крестоминъ ничего не отвѣтилъ ей и быстро пошелъ домой. Постоялъ въ задумчивости передъ крыльцомъ своей квартиры и, рѣшивъ еще погулять, пошелъ опять къ саду, но на полдорогѣ свернулъ въ боковую улицу.

Черезъ часъ Крестоминъ подходилъ къ городскому выгону. Ему показалось, что, бродя по улицамъ, онъ нечаянно пришелъ на окраину. До поля оставалось всего два квартала. Крестоминъ остановился въ нерѣшительности, повернулъ было домой, но, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился.

— Ужъ если попалъ сюда, такъ надо послушать,—словно оправдываясь передъ кѣмъ-то, пробормоталъ онъ и пошелъ въ поле.

Снѣгъ сталъ почти весь, волнистая равнина выгона казалась совсѣмъ черной, только кое гдѣ смутно бѣлѣли пятна нерастаявшаго снѣга на сѣверныхъ склонахъ овражковъ. Вдали сверкали два яркихъ огонька, должно быть, на кирпичномъ заводѣ. Въ призрачномъ свѣтѣ трепетныхъ звѣздъ Крестоминъ разсмотрѣлъ нѣсколько склоненныхъ къ землѣ фигуръ. Пройдя шаговъ полтораста по мягко раздававшейся подъ ногами талой землѣ, онъ остановился, снялъ шляпу и сталъ слушать.

Сначала тишина показалась полной, но скоро насторожившееся ухо начало улавливать различные звуки: мелодично «плинькалъ» летавшій гдѣ-то въ темной вышинѣ селезень-чирокъ, чуть слышно, должно быть, очень далеко, гоготали гуси, журчало что-то непрерывно, то усиливаясь, то почти стихая совсѣмъ, и нельзя было понять,—шумъ ли города долетаетъ сюда этимъ журчаньемъ или тронулся ледъ на Волгѣ...

—Такъ ничего не слышно, необходимо изслѣдовать вопросъ до конца,—опять словно оправдываясь передъ кѣмъ-то, прошепталъ Крестоминъ, опускаясь на мягко шелестѣвшую прошлогоднюю траву. Выбралъ посуше мѣстечко и приложился ухомъ къ землѣ.

Нѣсколько минутъ ничего не было слышно, и Крестоминъ хотѣлъ уже вставать, но тутъ ясно разслышалъ протяжный гулъ, пожалуй, нѣсколько похожій на придушенный стонъ или судорожный вздохъ наплакавшагося до изнеможенія ребенка.

Испуганно замерло сердце, жуткій холодокъ передернулъ плечи.

— Показалось,—мелькнуло въ мозгу, но сейчасъ же гулъ повторился, теперь отчетливѣй.

— Словно отдаленный раскатъ грома,—подумалъ Крестоминъ, но слѣдующая волна гула опять напомнила придушенный, жалобный стонъ.

Одна за другой катились волны гула, то усиливаясь, то совпадая, промежутки между ними были неравные,—то волна слѣдовала за волной почти безъ перерыва, то нѣсколько минутъ царила тишина...

Уже бѣлымъ днемъ—возвращался Крестоминъ домой по соннымъ, безлюднымъ улицамъ города, неодолимая усталость разлилась по тѣлу, непріятно было думать о томъ, сколько еще нужно передѣлать прежде, чѣмъ ляжешь въ постель: нужно идти, звонить, разговаривать съ ничего не соображающей сонной прислугой, снимать пальто и калоши, раздѣваться...

Странные подземные гулы разочаровали Крестомина, и очнулся онъ только тогда, когда въ посвѣтлѣвшей вышинѣ запѣли жаворонки, но теперь мелькаетъ мысль, что и не было никакихъ звуковъ,—болѣзненно-напряженный слухъ самъ создавалъ ихъ...

— Но вѣдь я не вѣрилъ, что услышу, а услышалъ, и не одинъ я слышу,—вонъ нынче сколько народу слушало,—подумалъ Крестоминъ, и съ неожиданной ясностью понялъ вдругъ, что душа его глубоко ранена загадочнымъ гуломъ земли, что будетъ онъ ходить слушать его до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ точно, откуда исходитъ этотъ гулъ. А какъ узнать это? Кто сможетъ разрѣшить волнующую загадку этихъ стоновъ земли?

В. Мартовскій.

Безуміе и ужасъ.

Страшно... Темно... Непонятно...
Ужасъ... Безуміе... стонъ...
Кто-то мнѣ шепчетъ невнятно:
«Это-лишь сонъ, только сонъ!
Скоро ужъ день, ты проснешься,
Страхи исчезнутъ твои,
Ясному дню улыбнешься
Въ блескѣ лучистой зари».
Слушаю. Шепотъ невнятный
Жадно душою ловлю.
Да, это—сонъ непонятный...
Нѣтъ, это—явь, я не сплю!
Смерть на землѣ воцарилась,
Міръ захлебнулся въ крови,
Темными тучами скрылось
Свѣтлое солнце любви.
Между цвѣтовъ благовонныхъ
Красныя рѣки текутъ,
Горы изъ труповъ зловонныхъ
Выше, все выше растутъ.
Рвутся такъ гулко шрапнели,
Падаютъ пули дождемъ...
Въ сѣрой солдатской шинели
Гдѣ ты идешь подъ огнемъ?
Гдѣ-же ты, гдѣ мой желанный?
Можетъ... навѣки заснулъ,
Слушая крикъ непрестанный,
Пушекъ грохочущихъ гулъ?
Или, быть можетъ, забытый
Раненый въ полѣ лежишь,
Болью, тоскою убитый
Въ небо чужое глядишь?
Страшно мнѣ... Кровь застываетъ.
Сердце тревожно стучитъ...
Кто-то на вѣкъ засыпаетъ,
Кто-то безумно кричитъ...

Вѣра Порошина.

Смертельная.

Разсказъ.

...Побѣжалъ и упалъ. Упалъ и разомъ понялъ: свершилось! Бѣжать некуда, незачѣмъ бѣжать. Такъ вотъ оно какъ? Нуля...

То острое, мгновенное, что обожгло легонечко, чуть-чуть, но отъ чего такъ пугливо дрогнуло сердце,—ушлрилось, мурашками побѣжало отъ затылка до пятъ и хлынуло внутрь жаркой, успокаивающей волной.

Волна эта росла и материнскн мягко пеленала сознаніе: все хорошо, все обойдется...

Танцуя, въ глазахъ плыла сѣтка—яркое сплетеніе краснаго съ голубымъ. Это утомляло. Онъ широко открывалъ глаза, чтобъ разорвать эту сѣтку—и, какъ-бы въ туманѣ, чудно и ново видѣлъ перебѣгающія цѣпи, дымки выстрѣловъ; самая же трескотня стрѣльбы, будто ватой обложенная, въ ухо входила мягко. Припадая, цѣпи передвигаются дальше, дальше...

Вблизи вдругъ ухнуло, обдавая взрытой землей и осколками. Не страшно! Ему теперь совсѣмъ не страшно. Не въ этомъ сейчасъ главное, нужное...

Мучаясь болью и покачиваясь, онъ все всматривался въ примятые кустики, въ рубчатую кору огромнаго граба около... Въ этомъ грабѣ, уцѣпившемъ землю толстыми корневищами, въ этихъ осеннихъ кустикахъ было что-то близкое, родное, успокаивающее. Только въ этомъ теперь казалось главное и нужное,—такое, отъ чего страшно оторваться...

Когда обезсиленные глаза смыкались, умиленіе знакомыми, близкими предметами смѣнялось острой горечью. Быстро выростала тоска и черный страхъ передъ неизвѣстнымъ. Удушливый комъ вставалъ въ горлѣ, щетинилось что-то внутри.

И онъ стоналъ, загребая рукой по землѣ.

Но жаркая, успокаивающая волна вновь подымалась и пеленала сознаніе: все хорошо, все обойдется...

Онъ забывался. Рука уже не гребла по землѣ,—вздрагивая, она шарила на груди, ближе къ боку, гдѣ просочилось красное.

Шарилъ рукою и приглушенно стоналъ. Стальныя нити все злѣе продергивались сквозь тѣло; все крѣпче, каленымъ узломъ, стягивались въ позаплечьѣ.

Время отъ времени, какъ-бы нечаянно, пелена забытья падала, и сознаніе странно обострялось; образы и мысли, переплетаясь, вихремъ переносились отъ одного къ другому,—такъ молнія яркими зигзагами освѣщаетъ разомъ и ближнее и дальнее.

Явь и бредъ, сказка и быль—все тутъ перемѣшалось, все спѣшило показаться и исчезнуть.

Вдругъ—дорожка, рожокъ луны надъ ельникомъ и небо—дрожащее голубое марево, съ одного края до того яркое, что глаза ломитъ. Вилась-вилась дорожка, обѣгая какія-то красныя болотца—и пропала.

Вотъ маршируютъ ровныя, безконечно длинныя шеренги солдатъ. Впереди генералъ на конѣ, старенькій, но бравый,—ѣдетъ и саблей помахиваетъ. Приподнялся на стременахъ, вдругъ взмахнулъ сабелькой и тонко, пронзительно крикнулъ:

— Ребята-а-а!

И сразу все задернулось чернымъ. На черномъ, въ страшной глубинѣ, загорается искорка малая. Быстро-быстро начинаетъ расти, надвигается... Въ огромное солнце выросла, жаркое и душное.

И снова—черное. Потомъ опять—видѣніе.

Дымится на столѣ большая деревянная чашка со щами. Изъ окна снопомъ легло на полъ солнце. Покряхтывая, лѣзетъ съ печи дѣдъ и ворчитъ:

— Сколько разовъ твержу: кожа и жилья—въ амбарѣ... Учини, Ганька, хомутъ. Учини его, несъ ты эдакой неслухмянный! Въ кровь измызгалъ плечо чалому. Эхъ ты-ы, хозяинъ!

Тоска ущипнула за сердце. Надо-бы учинить. И соху—тоже. За овиномъ бронена...

Дѣдъ беретъ ложку, качаетъ лысиной. Цыплята бѣгаютъ по полу и цевкаютъ—однодневные вылупки, желтенькіе въ яркомъ солнцѣ.

На порогѣ клуша клохчетъ, а въ отворенную дверь несетъ прохладой и сытнымъ запахомъ двора. Корова Милка, съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу, лѣзетъ къ дверямъ и мычитъ. И вдругъ это уже не Милка, а староста Селиверстовъ. На груди бляха, въ рукѣ бумага.

— Ты, староста, зачѣмъ?

— Такъ и такъ, такъ и такъ...—въ отвѣтъ постукиваютъ колеса вагона. Моритъ жажда... Въ вагонѣ тѣсно, душно. Унтеръ въ длинныхъ рыжихъ усахъ подбрасываетъ вверхъ фуражку и оретъ:

— Эй вы-ы, галманы... слуша-ай!

Вынулъ газету и водитъ по ней усами, что-то мудреное вычитываетъ. Навалились—тѣло на тѣло. Душно. Пить бы, пить!

— Такъ и такъ, такъ и такъ...—выговариваютъ колеса, поѣздъ бѣжитъ—не впередъ, а все кругомъ, кругомъ...

И вдругъ—Ѳедька, сынишка. Мелькнулъ изъ ржи. Рубаха на немъ красная съ горошками, а на глазахъ слезы. Бѣжитъ по дорогѣ и вопитъ:

— Тятенька-а! Тятю-ня-а!..

А жена, Анисья, идетъ рядомъ, идетъ и хлипаетъ.

— Вертай, Анисья, устанешь!

Не отстаетъ. На одну руку шинель, кренделемъ свернутую, повѣсила, другой рукой ребенка держитъ. Идетъ и плачетъ.

— Къ чему плачешь, Анисья?..

— Такъ и такъ, такъ и такъ...—отвѣчаютъ колеса. Унтеръ бубнитъ, бубнитъ... Душно. Пить!

Мелькаютъ города, гремитъ ура, колышатся флаги. Поѣздъ все дальше, дальше,—будто съ безконечной горы валится.

И опять—дѣдъ.

— Кожа и жилья—въ амбарѣ, сколь разовъ твержу...

И разомъ,—точно изъ ушей вдругъ пробки ототкнулись,—прихлынула ружейная трескотня, топотъ ногъ выкрики...

Такъ ясны и рѣзки были эти живые звуки—будто чугунные шарики посыпались, и все въ голову, въ голову... Это—больно. Тошнило отъ шмелинаго гудѣнія пуль. Каленыя нити продергивались сквозь тѣло все злѣе.

Но вотъ колыхнулась внутри та жаркая, сердобольная волна—и всѣ звуки понемногу начали таять. Отодвинулись. Уплыли... Но забытье было недолгое.

— ...Жилья, кожа... О чемъ ты Анисья?... Ахъ, не реви... Я сейчасъ... вотъ только...

И полилась, обжигая нутро, ощетинилась смертельная тоска, комомъ подкатилась къ горлу. И закружился рядъ близкихъ образовъ,—вотъ они, родные, памятные, обступили кольцомъ!

Не могъ улежать. Тихо-тихо приподнялся на рукахъ, ощеривъ отъ боли зубы, стиснутые такъ плотно, что на скулахъ налились желваки. Глаза открылись широко и скорбно. Глухо стеная, поползъ, было, но тотчасъ приникъ къ землѣ—неустроенно, какъ-то бокомъ, скорчившись...

Приникъ и такъ замеръ. Глаза закрылись. Но долго еще не утихалъ стонъ, и въ сознаніи долго еще жило видѣнное: высокій коряжистый грабъ, передвигающіяся вдали цѣпи, сѣдые дымки надъ кустами, брошенныя кольца шинелей, сумки...

И особенно ясенъ остался въ сознаніи тотъ, сидящій на землѣ,—сидитъ и мѣрно покачивается, широко опершись руками въ землю, а щека заливается краснымъ, красное по груди плыветъ...

И еще тотъ, другой,—онъ лежалъ внизъ лицомъ, такой спокойный, неподвижный, пирокоспинный и безъ фуражки, руки плетями впередъ выкинуты...

Потомъ все это стерлось.

Померещилось поле,—не поле смерти, а то далекое тихое поле, окруженное еловыми перелѣсками, гдѣ въ предвесеннее время, въ течку, ночью гуртами бѣгаютъ и бурлычатъ зайцы, а лѣтомъ по закрайкамъ кустятся бѣлые грибы, растетъ земляника.

Прилегъ онъ въ знойный полдень у стараго прясла, на зеленой полянкѣ, именно тутъ, гдѣ споконъ вѣку завелась большая хлопотливая куча муравейника. Еще мальчишкой онъ бѣгалъ сюда, всовывалъ въ муравейникъ палки и забавлялся сполохомъ милліоннаго живого полчища.

Теперь онъ лежитъ какъ разъ на этой кучѣ. Хочетъ встать и не можетъ. А муравьи живой свѣткой облѣпили его сплошь и, обжигая, пронзаютъ и точатъ его неисчислимымъ количествомъ тонкихъ жалецъ... Онъ бьется въ ужасныхъ болячъ,—и не можетъ встать, нѣтъ силъ!

А сверху летаютъ осы, зловѣще жужжатъ, того и гляди вопьются, и тогда—шабашъ!

Скрипя зубами, зашевелился, очнулся. Тѣло—въ огнѣ. Испарина выступила на лбу крупными каплями. Мучительно, толчками и ударами свербило и грызло въ боку и позаплечьи. Липло къ тѣлу, просачиваясь краснымъ, теплое, противное...

И такъ странно было, что въ рукѣ зачѣмъ-то ружье. Но было и пріятно, что оно—только оно—такое холодное. Вздрагивающая рука крѣпко сжимала холодную сталь замка, опачканнаго кровью.

Жгло и клекотало въ горлѣ. Воды, одну бы каплю воды!

Все мерещилось:—налѣзаетъ, жарко дыша, лошадиная морда. Онъ подноситъ ей въ ведеркѣ пить, но она пить уже не хочетъ, а съ губъ падаютъ свѣтлыя, холодныя капли... Одну бы каплю!

На малое время боль и тоска, и жажда—все задергивается опять чернымъ. И снова въ черномъ провалѣ загорается искорка и ростетъ, ростетъ, быстро приближаясь.

Вотъ уже она—солнце, снопомъ брызнувшее по полу... Цевкаютъ желтенькіе цыплята, и укоризненно качаетъ дѣдъ лысиной надъ чашкой со щами. Входитъ Анисья...

Изба раздвинулась, такъ широко, что это уже не изба, а поле. Взводный—на-вытяжку, обозы, офицеръ съ подзорной трубой...

— Ря-ды-ы... сдвой!

— Тутъ тебѣ кокурки,—Шепчетъ Анисья,—я ихъ въ портянки уверну...

— Четвертая рота-а!..

— Вертай, Анисья...

Тошно. Все нутро выворачиваетъ. Воды!..

Снова тоска заскребла ужасными щупальцами. Зашевелился. Пытался, опираясь на руки, приподняться и ползти. Но земля такъ тянула его къ себѣ... Не было силъ!

Долго онъ боролся съ землею и стоналъ, хлипая горломъ, и молилъ кого-то въ пространствѣ скорбными, закатывающимися подъ лобъ, страшными глазами.

Въ тоскѣ и безсиліи упалъ головой на-земь, а глазами все еще водилъ туда и сюда.

Никого вокругъ. Цѣпи удвинулись. Тотъ, покачивавшійся, уже лежалъ недвижимо рядомъ съ широкоспиннымъ, распластаннымъ внизъ лицомъ, съ выкинутыми впередъ руками.

Въ послѣдній разъ въ смертной тоскѣ приподнялъ голову и тотчасъ безсильно уронилъ ее.

Воды!..

По звѣриному злобно и все глубже впивалось гомозливое и каленое въ бокъ и позаплечье. Оно грызло и сшивало все нутро стальными нитями, стягивало эти нити, закручивая ихъ въ узелъ огненной боли.

Закричать бы,—но въ горлѣ одинъ сухой хрипъ, онъ заткнулъ горло, его не протолкнешь!

Но все же, движимый тоской и болью, онъ со стономъ рванулся изъ послѣднихъ силъ отъ земли... И, почти не отдѣлившись отъ нея, приникъ къ ней еще плотнѣй. Обожженное болью тѣло земля тихо заколыхала вверхъ и въ сторону, вверхъ и въ сторону. Возносила, мягко опускала, и снова возносила.

Остановилась. Медленно начала вращаться въ одну, все въ одну сторону. Пошла быстрѣй, быстрѣй.

И вотъ въ огромной многоцвѣтной воронкѣ быстро закружились земля и небо. Все понеслось въ бѣшеномъ вихрѣ, а въ центрѣ этого вихря пространствъ и образовъ кружилось раздираемое болью тѣло.

Въ послѣднихъ вспышкахъ угасающаго сознанія быстрой чередой мелькнули родныя поля съ купами ельниковъ, лента рѣки и колокольня съ чешуйчатой главкой, Анисья съ шинелью и ребенкомъ, сѣдые дымки надъ кустами, перебѣгающія цѣпи, Ѳедькина красная рубашка во ржи, генералъ на пѣгомъ конѣ, длинный пыхтящій поѣздъ, слѣзающій съ печи дѣдъ, пушки, усатый унтеръ съ газетой, опрокинутая за овиномъ соха...

Въ послѣднемъ взглядѣ мутнѣющихъ глазъ земля показалась черной, дымной, мрачнымъ пепелищемъ, а небо—сплошнымъ багровымъ заревомъ...

Потомъ все слилось въ одно,—безъ формы и образа. Въ послѣднемъ круженіи все начало быстро падать куда то все ниже, ниже, устремлялось къ какой-то единичной малой точкѣ...

Все понеслось къ этой самой точкѣ и, безшумно сомкнувшись, вспыхнуло и потемнѣло. Потемнѣло и провалилось въ бездонную пропасть.

Онъ тихо опрокинулся навзничь и выпустилъ изъ правой руки ружье.

Ив. Касаткинъ.

Мечты.

Въ эти скорбные дни испытанія,
Когда міръ изстрадался въ борьбѣ,
Мои помыслы, чувства, желанія
Посвятила я, милый, тебѣ...
Тамъ, гдѣ правду пріялъ ты жестокую,
Гдѣ поля и дороги въ крови,—
Да хранитъ твою жизнь одинокую
И согрѣетъ молитва любви.
Вѣрю въ голосъ я сердца таинственный,
Вѣрю я лучезарной мечтой—
Ты вернешься мой милый, единственный,
Ты вернешься, мой сонъ золотой.

Послѣ бури въ день ясный, торжественный,
Когда сумракъ разсѣется тучъ,
Ты войдешь дорогой, о божественный,
Въ мою келью, какъ солнечный лучъ.
Ты придешь и улыбкой лучистою
Озаришь снова душу мою...
Да хранитъ тебя Дѣва Пречистая
Въ страстотерпномъ далекомъ краю!

Калерія Суханова.

Бездомные.

(Въ пріютѣ бѣженцевъ).

Однажды вечеромъ мнѣ пришлось посѣтить пріютъ бѣженцевъ. Меня сопровождалъ одинъ знакомый, участникъ нынѣшней войны.

Мнѣ приходилось уже бывать днемъ въ пріютахъ, и я не ждала ничего новаго отъ этого посѣщенія; но оказалось, что вечеромъ пріютъ гораздо интереснѣе. Дневная возня съ дѣтьми, стиркой, стряпней прекратилась, и насталъ часъ отдыха, къ которому, быть можетъ, обыватели пріюта были вынуждены изъ-за недостатка освѣщенія. Тамъ и сямъ спускались съ потолка лампы, и вокругъ такого источника свѣта собиралась группа людей, причемъ группировались они почему-то главнымъ образомъ по возрастамъ.

Въ углу у двери собрались самыя юныя бѣженки лѣтъ пяти-шести. Мнѣ хотѣлось поближе посмотрѣть на нихъ. Эти невинные глазки, напоенные неестественной для ихъ возраста печалью, безъ словъ говорили мнѣ о пережитыхъ ихъ крохотными душами терзаніяхъ. Ихъ души...Ну словно миніатюрныя клумбы, на которыхъ собирались расцвѣсть ландыши и фіалки, и другіе безхитростные и милые цвѣты. Но по нимъ прошелся тяжеловѣсный подбитый гвоздями каблукъ; цвѣты раздавлены, даже корни погибли, и врядъ-ли, казалось, на этихъ клумбахъ можетъ когда либо вырости здоровый цвѣтокъ вѣры въ добро и человѣчество...

Но нѣтъ! маленькія существа великодушно забыли обо всемъ, и у нихъ идетъ презанятная бесѣда. Одна худенькая дѣвочка, съ карими глазками и бѣлокурыми завитушками, выдѣлялась своимъ нѣжнымъ личикомъ. Потомъ я узнала, что дѣвочку зовутъ Вандой и что она изъ состоятельной семьи. Ѣхала она вмѣстѣ съ родными, но дорогой бабушка и она захворали холерой; обѣ были при смерти и ихъ поспѣшили изолировать. Бабушка умерла, а Ванда противъ ожиданія выздоровѣла, но очутилась въ чужой толпѣ бѣженцевъ, не имѣя представленія, куда уѣхала ея семья. Приложены всѣ старанія, чтобы разыскать ихъ, но надежды слабыя, такъ какъ мать Ванды не позаботилась научить дочурку знать свою фамилію.

— Папу зовутъ Алексъ, и онъ на войнѣ; а маму зовутъ Зося, и она хорошо играетъ на рояли,—вотъ все, что знаетъ Ванда о своихъ родителяхъ.

Когда я подошла, она говорила:

— Не понимаю, какъ мы тутъ будемъ жить. Ни спальни, ни гостиной, а все какой-то сарай. А у насъ какая дома гостиная была! Мягкая мебель, цвѣты, рояль. Мамочка играла, а я, и Эдикъ, и Роня танцевали...

Кругомъ сидѣло еще дѣвочекъ пять-шесть. Противъ Ванды сидѣла одна съ гладкими черными волосами, завернутыми сзади въ большую прическу. По этой прическѣ взрослой женщины и по тому, что она держала на рукахъ большеголоваго младенца я заключила, что это болѣе взрослая дѣвочка. Однако, когда она повернула ко мнѣ свою головку, я увидѣла измазанное, но прелестное личико ребенка, которому не могло быть больше пяти лѣтъ. Настоящая крохотная принцесса-замарашка, которую злыя мачехины дочки заставили играть роль няньки. Зовутъ дѣвочку Лiей. Рядомъ въ отороженномъ занавѣской углу стонала ея больная мать.

— А у насъ была лавка,—сказала Лiя.—У самого шляха была наша лавка. И какъ намъ весело было! Въ праздникъ, когда шли люди въ костелъ, такъ все мимо насъ, все мимо насъ... А фурманокъ сколько у нашего забора становилось, ой-ой, сколько много! А въ лавкѣ были пряники, и орѣхи, и конфекты. И какіе вкусные...

Я тихонько положила ей на колѣни коробку конфектъ и шепнула ей, чтобы она раздѣлила ихъ товаркамъ. У нея былъ такой разумный видъ... Но Ванда обидѣлась.

— Я должна дѣлить, потому что я—шляхтянка! —гордо заявила она.

— А я—лавочника дочка и умѣю считать. А ты не умѣешь, ага!—отпарировала Лiя.

Такое перечисленiе почетныхъ званiй произвело впечатлѣнiе на крохотную дѣвочку въ клѣтчатомъ платьицѣ. Она тоже не менѣе гордо заявила:

— А я силотка, ей-Богу. Тетя сама говорила, что я силотка.

Я предоставила имъ выяснять вопросы именитости и родовитости и пошла дальше.

За столомъ направо сидѣла молодежь. Они читали, писали, играли въ карты. Съ одной стороны сидѣла высокая прекрасно сложенная дѣвушка въ золотистой коронѣ волосъ и съ загадочной улыбкой и далекимъ взглядомъ слушала молодого широкоплечаго парня. Онъ низко нагнулся къ ней и, заглядывалъ ей снизу въ лицо, что-то страстно и горячо говорилъ ей. Оба, казались, забыли о присутствующихъ; ихъ яркое личное счастье, видимо, много скрашивало для нихъ всѣ муки бѣженства. Вдругъ дѣвушка рѣшительно поднялась и, шаловливо проведя рукой по губамъ молодого краснобая, какъ бы предлагая ему замолчать, плавной походкой прошла мимо насъ. У сосѣдняго стола она остановилась.

— Панъ Робушъ!—томно сказала она.—Будьте ласковы, погадайте мнѣ про мою судьбину.

При этихъ словахъ мой спутникъ такъ неожиданно и рѣзко обернулся, что испугалъ меня. Онъ побѣжалъ вслѣдъ за дѣвушкой къ столу, за которымъ сидѣли благообразные старикъ и старушка.

— Какъ! Панъ Робушъ? И пани Монника? Это вы? Это въ самомъ дѣлѣ вы? въ удивленiи воскликалъ онъ.

Послѣдующiя событiя развернулись съ такой быстротой, что я едва припоминаю детали. Старушка выскочила изъ-за стола и бросилась на грудь моему спутнику. Старикъ подбѣжалъ съ другой стороны и сталъ цѣловать его въ спину и плечи. Старушка совсѣмъ разстроилась, разстоналась. Мы усадили ее, подали ей воды, а она повторяла только:

— Какъ родного! Какъ будто родного! Какъ будто Зигмуся... Тутъ съ ней сдѣлалась истерика, и мы сочли за лучшее отойти. Пока ее успокаивали, мой спутникъ разсказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее о своемъ знакомствѣ со старичками.

— Я вовсе не такъ близко съ ними знакомъ, и то, что они меня такъ тепло встрѣтили, надо отнести просто за счетъ ихъ нервнаго состоянiя.

Пробираясь на передовыя позиции, мнѣ довелось набрести въ В—ой губернiи на любопытный осколокъ помѣстья одного обѣднѣвшаго шляхтича. Имѣньице называлось «Старинки» и состояло изъ клочка земли вокругъ стариннаго каменнаго дома съ мезониномъ; къ дому вела длинная живописная аллея. Это было ранней весною. Я шелъ по аллеѣ, надо мною вверху сплетались голые черные сучья, подъ ногами уступчиво раздавались островки талаго снѣга и кругомъ отъ размякшей земли уже тянуло неуловимымъ запахомъ весны. Кой-гдѣ на деревьяхъ бѣлѣли вырѣзанные въ корѣ крестики, а въ углубленiяхъ стояли образочки святыхъ. Я поднялся на крыльцо и постучалъ. На косякахъ тяжелой дубовой двери также мѣломъ были сдѣланы кресты. Долго мнѣ не отвѣчали; потомъ гдѣ-то заскрипѣла дверь, раздалось шлепанье, шурпанiе, шушуканье; наконецъ, старческiй голосъ нерѣшительно сказалъ: «кто тамъ»? Я объяснилъ, и отвыкшая отъ движенiя дверь со стономъ открылась. Передо мной стояли эти самые старички, послѣдніе изъ стариннаго рода Быховскихъ.

Въ гостинной, гдѣ они любезно приняли меня, было довольно темно, ибо пани Монника отдала небольшiя и необычайныя глубокiя окна въ полное распоряженiе пышно разросшимся бегонiямъ, геранямъ и бальзаминамъ. На стѣнахъ было навѣшано много образовъ, распятiй, большой образъ Майской Богоматери въ вѣнчикѣ запыленныхъ лилiй, и множество старинныхъ фотографiй; но всѣ эти предметы почти не вносили разнообразiя въ убранство гостиной, до такой степени все это выцвѣло, прокоптилось (должно-быть, отъ неизмѣнной трубки пана Робупа).

и пропиталось общимъ сѣро-желтымъ колоритомъ комнаты. Тѣмъ болѣе выдѣлялся висѣвшій надъ диваномъ въ среднемъ простѣнкѣ свѣжій портретъ. «Фотографія «Модернъ» гласила золотая надпись въ уголкѣ. На портретѣ былъ изображенъ прекрасный юноша. Его благородный лобъ и смѣлый рисунокъ бровей полонили меня. Подъ портретомъ, на полочкѣ, стояли свѣже-срѣзанные комнатные цвѣты. Старуха, видимо, была очень польщена моимъ вниманіемъ къ портрету.

— Нашъ внукъ Зигмусь—послѣдній Быховскій,—сказала она, и четки въ ея рукахъ почему-то задрожали.

Я пробылъ у нихъ сутки. Старушка водила меня на огородъ и показала свою собственную «капличку», которой она ужасно гордилась. Это была деревянная пирамида съ полками, украшенными красной матеріей и серебрянымъ позументомъ. Въ праздники многочисленные образа со стѣнъ гостиной перекочевываютъ сюда, заботливо украшаются цвѣтами и лентами, и ксендзъ, когда проходитъ съ процессіей, останавливается и совершаетъ у каплички молебствіе. Дѣвушки на деревнѣ вѣрятъ, что, если дать Богу обѣтъ вышить полотенце или сплесть кружево для этой каплички, то просьба будетъ скорѣе услышана.

Вечеромъ, сидя на диванѣ подъ портретомъ прекраснаго юноши, я пробовалъ безподобныя настойки пани Монники и слушалъ ея разсказы. Панъ Робушъ съ аппетитомъ посасывалъ свою трубку, и даже на вопросы жены отвѣчалъ, не вынимая ее изо рта. Только когда заговорили о домѣ, онъ оживился и положилъ трубку въ сторону.

— Знаете, пане, можетъ на всемъ свѣтѣ нѣтъ такого дома, какъ нашъ. Никто не помнитъ такого человѣка, который сказалъ бы, что его дѣдъ или прадѣдъ слышалъ о томъ, когда нашъ домъ строился. Тому уже и памяти нѣтъ. А вотъ дѣдъ мой хотѣлъ передѣлать мезонинъ на полный этажъ, такъ невозможно: никакой топоръ стѣну не беретъ. Только въ одномъ мѣстѣ немного расковыряли, такъ видно было, что снаружи и изнутри стѣны кирпичами выложены, а между кирпичами вотъ эдакіе громадные камни наложены. А связаны эти камни такимъ составомъ, что никто его не знаетъ; только тотъ мастеръ зналъ, что домъ строилъ. Да! Въ старину много чего знали такого, до чего теперешнимъ людишкамъ никогда не додуматься!

И онъ снова принялся за трубку. Мы помолчали. Отъ старинныхъ богатырскихъ стѣнъ исходило что-то мирное и успокаивающее.

— А вы не боитесь, что къ вамъ доберется война?—спросилъ я.

Нехъ, Панъ Богъ броне!—довольно равнодушно сказала старушка, видимо, вообще неясно представлявшая себѣ войну. Но на всякій случай она набожно взглянула на потолокъ, на поперечной балкѣ котораго дымомъ отъ святой свѣчи былъ сдѣланъ крестъ. Окруженная всѣми этими святыми символами своей вѣры, она чувствовала себя въ полной безопасности.

Остатокъ вечера меня занималъ панъ Робушъ, взявшійся предсказать мнѣ судьбу по картамъ, испещреннымъ какими-то кабалистическими знаками. На прощанье они сказали:

— Пріѣзжайте къ намъ лѣтомъ, мы угостимъ васъ чудесной земляникой.

Дѣйствительно, я былъ у нихъ лѣтомъ. Мы стояли въ мѣстечкѣ Н., и я умудрился навѣстить милыхъ старичковъ. Что-то больно кольнуло мое огрубѣвшее солдатское сердце, когда я увидѣлъ и въ этомъ мирномъ убѣжище симптомы войны. Тяжелая дубовая дверь стояла настежь. Въ гостиной стояли кровати съ ранеными. На нихъ кротко смотрѣла Майская Богоматерь съ лиліями, а возлѣ нихъ суетилась постарѣвшая пани Монника. Она всплеснула руками, увидѣвъ меня, и закрыла передникомъ свои заплаканные глаза:

— Панъ, панъ, что это сдѣлалось? И гдѣ теперь мой Зигмусь?..

Портретъ прекраснаго юноши былъ осѣненъ вѣнкомъ серебристыхъ безсмертниковъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я.

— Ой, пане, задумалъ онъ по доброй волѣ итти за отчизну и...—она вопросительно и съ робкой надеждой взглянула на пана Робуша, который также спѣшилъ къ намъ, что бы поздороваться со мной.

— Не плачь, старая, раньше времени, еще неизвѣстно, можетъ и живъ,—сказалъ панъ Робушъ.

Святая ложь! Отведя меня въ сторону, панъ Робушъ повѣдалъ мнѣ, что, по словамъ бѣжавшаго изъ плѣна солдата, Зигмусь погибъ въ непріятельскихъ окопахъ во время геройской атаки русскихъ. Но такъ какъ атака эта была отбита, трупъ Зигмуся такъ и остался во враждебномъ окопѣ. Дрожащими руками набилъ панъ Робушъ трубку и отошелъ отъ меня: онъ былъ слишкомъ потрясенъ. А окрыленная несбыточными надеждами старуха уже сѣменила ко мнѣ. Болѣзненное недоумѣніе, какое мнѣ часто случалось подмѣчать у дѣтей, столкнувшихся съ войной, застыло на ея лицѣ вмѣстѣ съ непросыхающими слезинками, притаившимися въ глубокихъ морщинахъ. Но теперь лицо ея освѣщалось какой-то внутренней вѣрой.

— Да благословитъ васъ Богъ, что вы зашли къ намъ! Вы воевали, да? И остались живы? И цѣлы?

О, великій Боже, я теперь буду вѣрить, что и мой хлопчикъ живъ. Идемте, я угощу васъ пончиками.

И въ столовой, забывъ у раскрытаго буфета зачѣмъ она пришла, она съ воспрявшимъ ужасомъ въ глазахъ сказала:

—А земляникой обѣщанной я не могу васъ угостить, и варенья я не варила, хоть ягода въ этомъ году была такая крупная, какъ на диво. Только знаете, недобрая та ягода, недаромъ такая красная: лѣсъ-то весь заваленъ былъ тѣлами убитыхъ.

Старушка успокоилась. Мы посидѣли немного съ ними и послушали о печальной повѣсти ихъ бѣгства. Милыя «Старинки» стерты съ лица земли. Несокрушимый домъ испепеленъ нѣмецкими снарядами. И все же имъ не хотѣлось уходить, они скрывались въ лѣсахъ, и какъ только отгоняли нѣмцевъ, они снова и снова возвращались на родное пепелище. Вѣдь была еще цѣла «капличка», было еще, значитъ, возлѣ чего пріютить свою осиротѣвшую душу... А когда и капличка взлетѣла на воздухъ, они пошли на востокъ. Позади нихъ день и ночь пылали пожары, горѣли деревни, лѣса, нивы золотого хлѣба, а съ ними бѣжали толпы одичавшаго отъ горя люда.

А дѣти... О, вѣчно живой источникъ радости и упорной жизненной силы!.. У меня было мертвенно-тоскливо и безнадежно на душѣ, когда я отошла отъ стариковъ Быховскихъ. Но проходя мимо дѣтишекъ, я услышала нѣчто, поневолѣ вызвавшее у меня улыбку и нейтрализировавшее мое убійственное настроеніе.

Дѣвочки разсматривали коробку изъ-подъ конфектъ. На крышкѣ былъ изображенъ кавалеръ въ костюмѣ 18-го вѣка и молодая дама въ фижмахъ.

— Какая она то-олстая,—протянула Ванда.

— Она навѣрно должна родить дитя,—серьезно сказала освѣдомленная Лія.

— Ну вотъ еще!—съ любопытствомъ вскинула на нее глаза Ванда.—Развѣ дѣтей родятъ? Нѣтъ, дѣтей покупаютъ. Вотъ мама меня купила. И Эдика, и Роню купила...

Лія недовѣрчиво смотрѣла на нее. Сложная работа, повидимому, происходила за этими большими черными глазами и нахмуреннымъ лобикомъ. Но рѣшеніе близко. Энергично тряхнувъ головкой, она убѣжденно сказала:

— Ну, развѣ что твоя мама покупаетъ. А моя—родитъ!..

Софья Горбачева.

Заблудилась.

Вхали полемъ, разоренной деревней,
Вдали горѣли лѣса.
Встрѣтили дорогой старуху древнюю;
Растрепалась сѣдая коса...
Въ горахъ отдавался грохотъ орудій;
Было жутко подъ ружейнымъ огнемъ.
Что это? Дѣвочка!? Бросили люди.
Одна. Никого кругомъ...
Казакъ наклонился, схватилъ ребенка,
На сѣдло къ себѣ посадилъ;
Межъ кустовъ проѣхалъ сторонкой...
«Какъ зовутъ?» тихонько спросилъ.
Ничего, ничего не отвѣтила крошка,
Только шире раскрыла глаза...
«Погоди, отдохни, очнись немножко;
Скоро маму увидишь!» Слеза
На усы казака молодого скатилась;
Утѣшалъ, какъ умѣлъ дитя.
«Отъ семьи въ суматохѣ, видно, отбилась;
Заблудиться можно шутя!»
Черезъ часъ подъѣхалъ къ пикету:
«Вотъ дѣвченку нашелъ. Одна.
Не могу добиться отвѣта,
Какъ зовутъ и откуда она».

А. З—къ.

Ненасытные.

Этюдъ.

Весь длинный сѣрый день работали пулеметы, укладывая рядами идущаго напроломъ непріятеля.

За каждымъ бугоркомъ лежали уткнувшись два-три заснувшіе вѣчнымъ сномъ воина, а черезъ нихъ, прилегая къ землѣ, бѣжали здоровые, чтобы ткнуться также чуточку подальше; или волоча за собой ружья, крѣпко стиснувъ отъ боли зубы, ползли извалявшіеся въ снѣгу и глинѣ раненые.

Весь день обѣ стороны украдкой поглядывали на небо, тоскливо ожидая, когда среди затихшей пальбы наступитъ относительная тишина—подобіе отдыха.

И когда яркой позолотой опоясался горизонтъ, ему навстрѣчу поползла плотная, сизая тьма и какъ тулупомъ окутала землю—все рѣже стали постукивать пушки, и обѣ стороны стали все яснѣй слышать, какъ тяжело стонетъ напоенная живой кровью земля.

И на смѣну канувшимъ въ вѣчность ужасамъ минувшаго мгновенія—дня, на смѣну изъ наступающей темноты выползли ночная жуть и яркія воспоминанія, отъ которыхъ щемило на душѣ.

Рѣдко махая крылами, пронесся воронъ, другой и зарѣяли въ темнотѣ сотни и тысячи крылъ.

Вспугиваемые бродящими санитарами или конвульсивнымъ движеніемъ агоніи павшаго, они тревожно поднимались и, махая крыльями, орали жадно и настойчиво:

— Крови... Кррови... Кррови!..

Когда смолкали стоны раненыхъ, напуганное криками, изворожденное тѣлами, поле прислушивалось и тоскливо ждало разсвѣта, грома пушекъ и трескотни пулеметовъ. Лишь бы свѣтъ яркій, рѣжущій разогналъ опустившійся на землю кошмарный предательскій сумракъ, лишь бы ползти—все равно куда, лишь бы двигаться—все равно какъ...

Дѣловито, бочкомъ приближается крупный воронъ, кружитъ пѣшій около убитаго:

— Не притворяется-ли?

И, убѣдившись, легко вскакиваетъ на прилипшія волосы, разставляетъ пошире свои цѣпкія лапки, присѣдаетъ, нацѣливается и, закинувъ головку, мѣтко и сильно бьетъ толстымъ клювомъ въ глазъ...

Выбивъ одинъ, выбиваетъ другой, перемѣщается на холодное горло, долго возится, устраивается половчѣй и начинаетъ рвать мякоть щекъ и губъ и, посмотрѣвъ сбоку на свою работу, торопливо отлетаетъ къ другому...

И тутъ и тамъ, высоко взмахивая острыми клювами, торопливо жретъ воронье.

Ненасытные...

Такъ было вчерашней ночью, такъ будетъ завтрашней...

Живущіе здѣсь, вдалекѣ отъ ужасныхъ ночей,—если вамъ чудятся ужасы войны,—не пожалѣйте на воиновъ!

Е. Бездомный.

Приказчикъ.

Стою за прилавкомъ и думаю я:
Бѣдна и печальна ты, доля моя!
Пятнадцатый годъ я стою за прилавкомъ,
И кажется мнѣ, что вотъ эти булавки,
Которые барынямъ я продаю,
Вонзаются въ душу больную мою.
И кажется мнѣ, что вотъ кружево это,
Утѣха изнѣженныхъ дамъ полусвѣта,
Вкругъ шеи моей обвилось, какъ змѣя,
И душитъ, и душитъ, и душитъ меня!
Усталъ я отъ пуговицъ, шпилекъ, чулковъ,
Услугъ и улыбокъ и ласковыхъ словъ.
Измучилъ меня покупатель капризный
Своимъ приказаньемъ, своей укоризной.
Торчишь въ магазинѣ, какъ въ каменномъ гробѣ,
И сердце томится въ подавленной злобѣ...
Тамъ, гдѣ-то въ лугахъ ароматныхъ Весна,
Поетъ, и зоветъ и волнуетъ она.
Тамъ, гдѣ-то цвѣты и просторъ полевой,
Тамъ, гдѣ-то поютъ соловьи надъ рѣкой,
И сладко шумитъ густолиственный лѣсъ
И солнце сіяетъ съ лазурныхъ небесъ.
Увы! какъ невольникъ, лишенный свободы,
Живу за прилавкомъ. Проносятся годы.
Не вижу свободныхъ, зеленыхъ полей,
Не мнѣ свои пѣсни поетъ соловей...

Н. Крюковъ.

Убѣжаютъ.

Разсказъ.

Запылало солнце весеннее.

Унали частымъ дождемъ лучи яркіе; разсыпались по снѣгу алмазами тысячецвѣтными. Заплакалъ снѣгъ. Зажурчали, засмѣялись шаловливо ручьи. Прорыли бурливые обледенѣвшую кору до камней мостовой и, дробно прыгая, веселымъ и шумливымъ потокомъ ринулись къ Волгѣ.

Колька сидѣлъ на корточкахъ у края панели и налаживалъ «дреньноть»—обломокъ старой линейки, которую онъ раскопалъ у себя на дворѣ, въ мусорѣ помойки. Большая «тятькина» шапка поминутно сползала на носъ, «застила», мѣшала работать. Колька сердито шмыгалъ носомъ, нетерпѣливо отбрасывалъ шапку назадъ мокрой рукой и размазывалъ грязью «курносую лупетку».

«Дреньноть» скоро будетъ готовъ и начнетъ «бомбардировать Дарданеллы».

Колька былъ въ курсѣ военныхъ дѣлъ—зналъ не только Дарданеллы, но и многое другое. Его пріятель и покровитель, двѣнадцатилѣтній «Мишка Газетчикъ», бѣгавшій съ утра до ночи по городу съ «истошнымъ» крикомъ—«ти-илиграммы!»,—временами урывался къ Колькѣ и посвящалъ его во всѣ злобы военнаго дня. И поэтому Колька «зналъ все», какъ увѣряли другъ друга, волнуясь, шепелявя и размахивая грязными кулаченками малыши, въ невѣроятномъ изобиліи населявшіе норы-лачуги двора. Малыши относились къ Колькѣ съ громаднымъ почтеніемъ, восхищеннымъ удивленіемъ и даже подобострастьемъ: ихъ подавляла масса мудреныхъ названій, которыми «такъ и сыпалъ» Колька.

Правда, географическія и иныя познанія Кольки не отличались особенной точностью и ясностью: онъ представлялъ себѣ и «западный фронтъ», и «восточный», Варшаву, Саракамышъ, Реймсъ, Лондонъ и Константинополь, англичанку, австріяка, француза, ерманца, турку и «нашихъ»,—всѣхъ гдѣ-то далеко, «тамъ», въ одномъ мѣстѣ, «въ кучѣ»,—но гдѣ въ такихъ тонкостяхъ разбираться! И Колька царилъ.

Частенько впрочемъ злоупотреблялъ довѣріемъ малышей. Желая похвастаться своимъ тятькой, который былъ тоже «тамъ», Колька принимался самымъ невѣроятномъ образомъ фантазировать—разсказывалъ съ жаромъ диковинныя небылицы о подвигахъ тятьки.

— Сцопалъ енъ это, значитъ, за грудки австріяка и ерманца да кэ-экъ стукнетъ башками,—только черепки зазвенѣли! Пра-а, ей-Богу!—говорилъ Колька басомъ и неистово божился.

Слушатели замирали съ разинутыми отъ удивленія ртами... Восторженно горѣли глаза...

Солнце пылало...

Колька «разомлѣлъ». Руки вяло шевелились. Въ головѣ замелькали пріятныя образы недалекаго прошлаго, когда тятька былъ еще дома.

«Мару-уся отра-ави-илась»...

Замурлыкалъ Колька любимую тятькину пѣсню. Ему взгрустнулось. Онъ бросилъ въ сторону недодѣланный «дреньноть» и задумался.

Какъ живой всталъ передъ нимъ тятька. Высокій, могутный, съ широченной грудью...

— Во-о какая,—широко развелъ Колька красными, какъ у гуся лапы, руками и мечтательно ухмыльнулся...

Хорошо было...

Разбудитъ его, бывало, тятька рано утромъ. Надѣнетъ на здоровенную спину «подушку» и скажетъ:

— Садись!

Колька усядется бариномъ, словно въ сѣдлѣ, за тятькину бычачью красную шею уцѣпится крѣпко. А тятька—ежели веселый да «мерзавчика чекалдыкнетъ»—ржетъ и пляшетъ всю дорогу, или, вскачь еще пустится. Колька, высоко подпрыгивая на подушкѣ, кричитъ во все горло:

— Тпр-ру, окаянная! Сладу съ тобой нѣтъ... тпр-ру-у...

Тятька того пуще. Не вытерпитъ Колька игры до конца и зальется переливчатымъ радостнымъ смѣхомъ.

На пристань придутъ—тятька ему удочку смастеритъ и на берегъ пуститъ. Весело Колькѣ. Штаны засучитъ выше колѣна и въ воду заберется. Ловитъ—не ловитъ, а барахтается больше...

«Закуритъ» артель,—смотришь, тятька чего-нибудь прётъ: сабзу, кишмишъ, а то и яблоко,—разсыплется тамъ изъ мѣстовъ въ лабазѣ. Колька сейчасъ же, живымъ манеромъ, за щеку...

А то сядетъ гдѣ-нибудь, смотритъ и слушаетъ. Кругомъ шумъ, гамъ. Солнце свѣтитъ; вода перламутромъ переливается; чайки кричатъ... Смолой отъ новой пристани пахнетъ, сырымъ вѣтеркомъ изъ подъ сходней потянетъ... Хлюпаетъ сочно о днище лодки сонная волна... Любо!

Дружно несется стройнымъ четкимъ говоркомъ:

«А сама пойдетъ, пойдетъ»...

Любо Колькѣ—лучше не надо.

А тамъ... Тятьку взяли на войну... мамка умерла. Чужая бабка изъ-за «способія», которое она получаетъ на Кольку, держитъ его у себя, за печкой въ подвалѣ...

Набѣжали слезы и крупными каплями поползли по грязнымъ щекамъ. Всхлипнулъ Колька...

— Тру-ту!.. Тру-ту-ту...

Раздался рѣзкій звукъ гдѣ-то вблизи. Колька встрепенулся.

По улицѣ ѣхала разукрашенная флагами телѣга. На передкѣ, свѣсивъ правую ногу въ сапогѣ и деревяшку лѣвой, сидѣлъ солдатъ. На груди у него поблескивалъ маленькій серебряный крестикъ. Округливъ яблоками щеки, солдатъ дулъ въ мѣдный ярко начищенный рожокъ.

— Тру-ту!.. Тру-ту-ту...

Звонко неслось по улицѣ.

Колька бросился навстрѣчу телѣгѣ, вытирая на бѣгу слезы. Добѣжалъ и остановился. Застылъ въ нѣмомъ восторгѣ, засунувъ въ ротъ съ чернымъ ногтемъ большой палецъ.

Чего только не было тутъ! Все перепуталось въ хаотическомъ и контрастномъ безпорядкѣ. Вотъ, обнявъ старенькій помятый самоваръ, лежатъ большіе смазные сапоги; изъ дряхлой съ разноцвѣтными заплатами кацавейки удивленно выглядываетъ плюшевый медвѣдь; широкая пасть грамофонной трубы сильно запрокинулась вверхъ и тщетно пытается выбраться изъ подъ груды навалившихся на нее разныхъ шубъ, пальто, піджаковъ, шапокъ; овчинный полушубокъ прикрылъ своей полой наготу старинной фарфоровой статуэтки...

Телѣга остановилась.

— Пожертвуйте кто что можетъ воинамъ на передовыхъ позиціяхъ...

Протягивалъ жестяную кружку юный гимназистъ.

Изъ дворовъ выползла разношерстная бѣднота и тащила свои «жертвы».

Останавливались прохожіе. Коренастый малый, должно быть рабочій, стащилъ съ своихъ широкихъ плечъ ватный піджакъ и бросилъ его на возъ. Снялъ шапку, низко поклонился, махнулъ для чего-то рукой и, не оглядываясь, въ одной синей блузѣ пошелъ твердыми печатающими шагами дальше.

Приплелась откуда-то маленькая древняя старушонка. Закрестилась поясными поклонами. Что-то шептала выпвѣтшими губами; слезились мутные глаза. Спустивъ шерстяной чулокъ, долго и старательно въ немъ рылась и вытащила грязную тряпицу, свернутую лепешкой. Развернула ее, отыскала маленькій узелокъ, который долго распутывала негнущимися руками, грызла единственнымъ зубомъ.

— Прими, родненькій, Христа ради,—протянула она гимназисту сильно засаленную «синенькую». Сконфузилась и, словно оправдываясь, зашамкала

— Внучекъ, внучекъ, родненькій, у меня тамъ... Спаси ихъ, пресвятая Владычица... Себѣ берегла на похороны... да имъ болѣзнымъ нужнѣе...

Молодая баба, выпятивъ впередъ огромный животъ, подперла рукой щеку и участливо смотрѣла на старушку:—божья старушка...

Затуманились глаза бабы и большая слеза медленно поползла по щекѣ; опустились углы губъ; набѣжала тѣнь на лицо,—знать свое горе вспомнилось ей.

— Ахъ, Богъ мой! Какъ можно посылать нашимъ милымъ солдатикамъ это?

Томно воскликнула красивая элегантная дама, обращаясь къ своему спутнику—молодому господину въ каракулевой шапкѣ. Разсматривала телѣгу въ лорнетъ, брезгливо морщилась, шуршала шелковыми юбками. Изящнымъ движеньемъ достала изъ серебрянаго ридикюля блестящій новенькій гривенникъ и, вздохнувъ, опустила въ кружку.

— Это ужасно,—пошла, играя обтянутыми бедрами.

Колька сердито сопѣлъ: дама ему почему-то не понравилась.

— Ишь, мамзель какая... расфуфырилась,—злобно бурчалъ онъ, сверкая, какъ волченокъ, глазами.

А бѣднота все выползала и выползала изъ всѣхъ щелей, какъ тараканы, и несла свое «барахло».

Колька что-то надумалъ. Вынулъ палецъ изо рта, рѣшительно тряхнулъ головой и подошелъ вплотную къ телѣгѣ. Снялъ тятькину шапку и протянулъ ее солдату.

— Ты чего?—не понялъ тотъ.

— Вотъ... шапку... возьми,—басомъ проговорилъ Колька.

По суровому лицу солдата что-то пробѣжало и скрылось въ углахъ губъ, подъ щетинистыми усами.

— Ахъ ты, шпингалетъ, што надумалъ! Погоди, вотъ, ужо попадетъ тебѣ, сорванецъ...

Колька не обидѣлся: онъ почувствовалъ подъ сердитыми словами и грубымъ тономъ ласку простого, какъ у него, сердца. Но потерялъ сразу свою солидность. Покраснѣлъ и прошепталъ, точно мышонокъ, тоненькимъ просительнымъ голосомъ:

— Во-озьми, дяденька...

Солдатъ сдѣлалъ свирѣпое лицо, отвернулся въ сторону, но шапку взялъ и положилъ ее въ общую кучу.

— Ну, брысь, прокуратъ!

Мозолистая рука, какъ бы нечаянно, упала на непокрытую шершавую голову Кольки и нѣжно погладила ее...

— Тру-ту!.. Тру-ту-ту...

Вечеромъ Колька сидѣлъ за дровами въ углу грязнаго двора и горько плакалъ.

Ему попало отъ бабки.

— Тятенька... миленькій... обижаютъ...

Кудлатый Шарикъ подошелъ къ Колькѣ, лизнулъ его горячимъ языкомъ по щекѣ и тихонько сочувственно заскулилъ. Охватилъ Колька Шарика руками за шею и уткнулъ лицо въ длинную спутанную шерсть собаки.

Ему стало тепло. Глаза слипались. Колька засыпалъ.

Во снѣ все еще судорожно всхлипывалъ и порой, испуганно вздрагивая, какъ птица крылами, черными длинными рѣсницами, шепталъ:

— Тятенька... обижаютъ...

И. Волинъ.

На Вислѣ *).

И грянулъ бой, великій бой
На берегахъ родной рѣки...
Смѣлѣй, о Русь! Господь съ тобой.
Впередъ, могучіе полки!..
Укрылся въ тучи небосводъ,
Въ испугѣ вздрогнула земля
И слезы брызнули съ высотъ
На обагренныя поля...
А пули свищутъ и скользятъ,
Въ дыму тяжеломъ берега.
Проходятъ въ бой за рядомъ рядъ
На истомленнаго врага...
Земля трепещетъ и гудитъ,
Несется шумъ изъ далека;
Кипитъ, вздымается, бурлитъ
Окровавленная рѣка...
Снаряды падаютъ кругомъ,
Свинцовый дождь все льетъ и льетъ,
И съ бурнымъ крикомъ, точно громъ,
Солдаты движутся впередъ...
Въ смятеньи дрогнули враги
Подъ грознымъ натискомъ солдатъ:
Смѣшались съ кровью ихъ шаги,
Спѣшатъ—бѣгутъ назадъ, назадъ...
И вотъ умолкъ кровавый бой,
И надъ рѣкой настала тишь.
Молись, о Русь! Господь съ тобой.
Впередъ ты снова побѣдишь!..

9 окт. 1914 г. *Фед. Якимовъ.*

---

*) Данное стихотвореніе написано солдатомъ, бывш. служащимъ Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, и прислано изъ окоповъ. Стихотвореніе по содержанію нѣсколько устарѣло, теперь уже идутъ бои не на Вислѣ, а на Двинѣ и Стырѣ, но оно характерно, какъ передающее настроеніе участника боя.—**Ред. Ком.**

Сестрамъ милосердія.

Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердцу человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно передъ Богомъ.

Апостолъ Петръ.

Въ страстную вы пришли палату,
Едва васъ призвала война,
И сердце отдали до дна
На службу раненому брату,
На встрѣчу къ огненному бою,—
Туда, гдѣ разливалась кровь,
Святая васъ вела любовь
Елей на раны лить герою.
Крестомъ васъ осѣнилъ Мессія.
Сильна, о сестры, ваша рать!
Въ благоговѣніи, какъ мать,
Благословляетъ васъ Россія!..

Князь А. Звенигородскій.

Ш в е я.

«Ну, никакъ и нарвалась я... Еще свалится дѣвка... Возись съ ней съ чужа-то», подумала практичная торговка Иваниха, глядя на свою новую квартирантку, тоскливо прижавшуюся на сундукѣ, возлѣ своего узла. Ей показались подозрительными и страшный кашель и блѣдность и худоба дѣвушки.

— Чѣмъ-же ты теперь жить думаешь? вдругъ спросила она.

— Чѣмъ жить?.. Охъ, Господи!.. Есть вотъ семь рублей... Ихъ проѣдать буду... А тамъ...

— Въ деревню-бы ѣхала. Родня, чай, есть?

— Нѣтъ! Дядя—только... Сирота я... Да и что—къ нимъ?.. Сами безъ хлѣба...

— Какъ-же такъ. Работать не можешь... Въ больницу-бы шла, что-ли...

Дѣвушка безнадежно махнула рукой:

— Ходила. Не беруть. На ногахъ, говорятъ, ходишь, безъ тебя полно...

— Въ чужихъ-то людяхъ умирать—тоже не дѣло, сорвалось у хозяйки.

Дѣвушка вздрогнула и отчаянно-пытливо уставилась на хозяйку.

— Поправлюсь, можетъ... прошептала она побѣлѣвшими губами:—Докторъ сказалъ: «нѣтъ въ тебѣ ничего; Богъ милостивъ, поправишься». Хорошій такой... По головѣ меня погладилъ... Еще спросилъ: «природный, говоритъ, это у тебя румянецъ-то?»... «Да», говорю. «Ну, иди, говоритъ, не падай духомъ»...

— Врутъ они! Слушай ихъ! Наскажутъ! воскликнула хозяйка:—А ты смотри, дѣвка, со льдомъ не уберись, или вотъ, когда береза зацвѣтетъ, тоже...

Дѣвушка заплакала и привалилась на узелъ.

— Грѣхъ-то какой... И съ чего это у тебя, проговорила хозяйка.

— Съ чего?.. Не съ радости... Работа проклятая!.. Сызмалѣтства впрягли...

Хозяйка занялась разборкой старья, а дѣвушка, всхлипывая, ворочалась на сундукѣ.

Когда она успокоилась, то тоскливо проговорила:

— Послушай, Ивановна, я разскажу тебѣ про жизнь свою... Можетъ легче будетъ...

— Скажи, скажи родная...

— Много я всего навидалась, Ивановна. Какъ умерла мать, дядя и вывезъ меня сюда.

Въ прислуги изъ-за хлѣба, да одежи отдалъ. Двѣнадцатый годъ мнѣ шелъ тогда... Года три въ прислугахъ маялась... Съ мѣста на мѣсто переходила... тяжело было... Научила меня одна старушка: «Иди къ швеѣ, учись шить. Научишься, деньги огребать будешь. И работа легкая: знай, сиди». Обрадовалась я, послушала, поступила къ швеѣ одной, Дарьѣ Петровнѣ... Бѣдная она, пребѣдная была, подвалъ снимала, и—больная тоже. Начала она учить меня... Когда кофточку сошьемъ, когда юбку,—хорошей работы не было... Какой это заработокъ? Только хлѣбомъ, да картошкой и жили. А если говядинки-то ку-

пимъ фунтикъ, будто и праздникъ у насъ, ѣшь и не наѣшься, будто... А, вѣдь, раньше-то она, Дарья-то Петровна, въ хорошей мастерской жила, мастерицей была... Да грѣхъ съ ней случился—ребенка родила... Припадочная сдѣлалась, отъ того и бѣдствовать стала... Недолго я жила у ней. Разъ какъ-то ударило ее, ротъ искосило, ноги отнялись... Свезли въ больницу...

— Тамъ и скончалась...

— Сама себя соблюсти не сумѣла, вотъ и пропала, прервала хозяйка.

— Сама... Много такъ-то гибнетъ насъ, Ивановна. Швея, вѣдь, для того и есть... Всякій обидѣть норовитъ! Здоровый каждому нуженъ—больной никому... Вотъ я теперь тоже... Въ мастерской-то у Серафимы Герасимовны, послѣдней хозяйки, три года выжила. Гнула, гнула... А захворала—иди, голубушка!.. А болѣзнь-то отъ чего... Все отъ работы проклятой, жизни каторжной... Вспомнишь, сердце кровью обливается... Вотъ каково было! Бывало, какъ въ котлѣ съ утра-то до глубокой полночи кипишь, какъ бѣлка въ колесѣ мечешься. Кроишь, да шьешь, да гладишь, да примѣряешь... Машины трещатъ, бѣготня, угаръ, ругань... Господи! Голова кругомъ, руки опускаются спина ноетъ; не дождешься, когда до постели допустятъ... Пошлютъ, бывало, за нитками въ лавку или работу снести, такъ-сама не своя, дышишь, дышишь воздухомъ-то, не надышишься, будто...

А, вѣдь, еще какъ бываетъ: то не ладится, это не потрафилъ! Навернется шлюха какая-нибудь, сама-то изъ горничныхъ въ содержанки вышла, а роль разыгрываетъ, озорничаетъ: «тутъ вотъ морщитъ, тамъ набѣгаетъ». Ползаешь, возишься возлѣ нея, закалываешь да размѣчаешь, а она гнется... Кто, дескать, я!.. И опять перепарывай, опять перешивай... Душа вся выболитъ... А онѣ развѣ понимаютъ? Ты имъ только давай, да скорѣе давай! А тутъ, можетъ, стежковъ-то однихъ тысячи, каждый рубчикъ двадцать разъ въ рукахъ-то перевертишь... А онѣ трудовъ-то этихъ не цѣнятъ, онѣ напялятъ вещь-то, да и спустятъ въ недѣлю, въ грязь втопчутъ...

Людямъ, бывало, праздникъ подходитъ, радость, а намъ—каторга... Хозяйка наберетъ, нахватаетъ работы, да и гонитъ, и гонитъ. Да и заказчицы-то надоѣдаютъ: «скорѣй, да скорѣй, безъ платья въ праздникъ оставите»... Онѣ себя только знаютъ, а мы, можетъ, послѣдня-то недѣли передъ праздниками не ѣвши, не пивши, почти цѣлыя сутки спины не разгибаемъ... Иной разъ ужъ утро на дворѣ, а мы еще лампъ не гасили, не ложились... Глаза отекутъ, стежковъ не видятъ, какъ шальная ходишь, какъ березу тебя мотаетъ... А попробуй-ка захворать! Скандала не оберешься, жизни не радъ будешь: «лежебоки, лодыри, притворщицы»...

— Что-же начальство-то смотритъ, управа-то ваша? перебила хозяйка.

— Управа!.. И въ глаза-то мы ихъ не видывали!.. Чай она изъ хозяевъ-же набирается... Такъ, вотъ и бьемся... А въ спѣшкѣ-то еще испортишь что, утюгомъ припалишь... Покупай! А гдѣ купить подходящей матеріи? Иной разъ всѣ магазины обѣгаешь: нѣтъ, да и только. Бѣда! Ложись и умирай!.. Мается, мается такъ-то иная дѣвушка, да и махнетъ рукой, въ развратъ пустится... «По—крайности говоритъ, высыпаться буду, да не въ лохмотьяхъ ходить»...

— Ну, ужъ это тоже плохая утѣха-то, наставительно проговорила хозяйка.

— Само-собой... А только какъ совладать съ мыслями?.. Видишь, вѣдь, какъ другія живутъ: шелковье, свобода, спокой... А ты:.. Тебѣ, вѣдь, тоже погулять хочется, повеселиться... Молодость свое проситъ... А онѣ, барышни, дамы-ли тамъ, палецъ о палецъ не ударили, можетъ, а гуляютъ себѣ, здоровыя, да румяныя, да любовь крутятъ... Въ глаза имъ всѣ смотрятъ... А ты никому не нужна, дохни!..

— Что на нихъ смотрѣть. Онѣ можетъ родились богачками. Что имъ работать, перебила хозяйка.

— Родились!.. Вдругъ раздраженно заговорила швея:—а я зачѣмъ не такая родилась?.. Чѣмъ я виновата, что въ нищенствѣ выросла, радости не видывала?.. Да я-же на нихъ и работай! Имъ все—мнѣ ничего! Да онѣ-же и здоровы, красны!.. А я... я... Мнѣ восемнадцать лѣтъ только... А ужъ я... я... я... охъ!..

Дѣвушка обхватила голову руками и, захлебываясь рыданіями, упала головой на свой единственный узелъ.

П. Кандаковъ.

Птицы и люди.

Лишь брежжится утро... Вороны летятъ
И въ небѣ холодномъ тоскливо кричатъ:
«Найдемъ-ли мы корма сегодня?.. Кра!.. Кра!..
Мы зябнемъ, мы мерзнемъ... не ѣли вчера»...
Вновь солнце сокрылось... Вороны летятъ,
Съ тоской безнадежной всей стаей кричатъ:
«Все снѣгомъ покрыто!.. Нѣтъ корма!..
Кра!.. Кра!..
Мы зябнемъ, мы мерзнемъ... Не ѣли съ утра»...
Вверху летятъ птицы... А люди бредутъ
Дорогою снѣжной и громко зовутъ:
«Братъ милый! о, гдѣ ты? Откликнись!.. Пора!..
Мы зябнемъ, мы мерзнемъ... не ѣли съ утра»...

П. Кандаковъ.

Вешніе зовы.

Миніатюры.

Рожденная могучей, точно стальной грудью несется откуда-то она, эта весенняя пѣсня—вся порывъ, вся вдохновеніе.

Весна.

Золотое солнце бросаетъ на землю свои ослѣпительно-яркія, червленныя стрѣлы и напоенный обильными испареніями, какъ хрустальный, дрожитъ, переливается въ его лучахъ прозрачный воздухъ.

Глубоко, жадно дышетъ оттаявшая послѣ долгой зимней спячки земля, а вѣтеръ, упругій и властный, далеко разноситъ ея страстные, истомные вздохи.

Какъ безбрежное море, разлилась могучая, свободная и прекрасная русская рѣка.

Бѣгутъ по широкой груди ея пѣнистыя, весеннія волны... Точно бѣлые лебеди, плывутъ громадные пароходы,—легкій, прозрачный дымокъ темной лентой вьется вслѣдъ за ними. Порой замаячитъ на горизонтѣ случайный парусъ, закружится въ воздухѣ съ пронзительнымъ крикомъ бѣлая чайка, и опять кругомъ—безпредѣльность, пустынность, просторъ...

А весенняя пѣсня, рожденная чьей-то могучей, стальной грудью, все растетъ, растетъ, ширится и, кажется, вотъ-вотъ захватитъ весь міръ...

Въ маленькой полуподвальной комнатѣ, у окна сидитъ молодая дѣвушка—швея.

Каждый день, съ утра до поздняго вечера, мѣрно и плавно—тукъ-тукъ-тукъ!..—стучитъ въ подвалѣ машина. Блѣдная дѣвушка шьетъ кому-то прекрасныя, бѣлыя платья. Много лѣтъ шьетъ она ихъ. Но никогда не надѣнетъ сама, никогда не очутится на чудесномъ балу и не закружится въ задумчивомъ, опьяняющемъ вальсѣ. Никогда никто, милый и сильный, не возметъ ее за руку и не позоветъ за собой къ таинственнымъ берегамъ, въ страну невѣдомаго счастья...

Съ утра до поздней ночи шьетъ и шьетъ блѣдная дѣвушка кому-то прекрасныя, бѣлыя платья, а грустныя, какъ осеннія сумерки, думы витаютъ надъ ней.

Но вотъ вдругъ оборвался ритмичный стукъ машинки, подняла швея свою голову, распрямила спину—и въ ея полутемный подвалъ, будя и лаская, долетѣла съ воли весенняя пѣсня.

И улыбнулась дѣвушка. Задумалась, грустная.

И въ ея измученную душу властно и радостно заглянула весна и разбудила ее.

И, можетъ быть, въ первый разъ за все время почувствовала теперь блѣдная дѣвушка, что огромна, прекрасна и неизжита еще ея жизнь!

Вечеръ.

Тихо, торжественно-тихо и безмолвно на широкомъ просторѣ могучей рѣки.

Только что зашло солнце и рубиновыя краски заката еще горятъ на далекомъ западѣ, точно кто-то невидимый разбросалъ по небу огромныя, яркія полотнища.

Предвечерній вѣтерокъ вѣетъ прохладой.

На плотахъ поужинали и полегли спать. Не спится только старому сѣдому какъ сѣрый мохъ на приволжскихъ камняхъ, дѣду-Андрею.

Вышелъ старикъ послѣ ужина помолиться на востокъ, гдѣ затеплилась уже первая лучистая звѣздочка, сѣлъ на бревна и задумался.

Куритъ пѣнковую трубку, что подарилъ ему кто-то много лѣтъ назадъ, смотритъ на закатъ солнечный и думаетъ. Медленно и плавно, какъ синій махорочный дымъ изъ трубки, текутъ неповоротливыя дѣдовы мысли.

Съ малолѣтства живетъ дѣдъ на рѣкѣ, съ малолѣтства ею кормится.

Вспоминается дѣду-Андрею вся его долгая, трудная, тяжелая жизнь... Думаетъ онъ потомъ о войнѣ, что прицла нежданно—негаданно, о страшныхъ человѣческихъ мукахъ, о подвигахъ... Двухъ внучатъ взяла у дѣда война, и гдѣ они теперь—Богъ одинъ вѣдаетъ.

Сидитъ старый, лохматый дѣдъ-Андрей на плотахъ, долго сидитъ и кажется ему, что вотъ такъ всю свою жизнь просидѣлъ онъ здѣсь, на плотахъ, будто и не жилъ вовсе...

Но что это?

Прислушался, насторожился старикъ. И на широкій просторъ рѣки—кормилицы донеслась могучая весенняя пѣсня, рожденная, чьей-то стальной грудью...

Вздрогнулъ дѣдъ. Почудилось ему, старому, что звучитъ въ этой пѣснѣ что-то громадное, новое, чего ни разу не слыхивалъ онъ во всю свою долгую-долгую жизнь.

Звучи же все громче и громче въ тихіе весенніе вечера могучая, свободная и прекрасная русская пѣсня!

Буди въ усталыхъ, истомленныхъ, сердцахъ рабочаго люда великія надежды и мысли!

А. Истоминъ.

Съ картины І. Дольманъ.

Къ картинѣ.

Скорбитъ земля и стонетъ вѣтеръ глухо,
Угрюмо рыскаетъ по снѣжнымъ пустырямъ
И привидѣньемъ Смерть, костлявая старуха,
Проходитъ жутко по полямъ.
Вокругъ нея—голодныя волчицы
Заводятъ дикій вой и жажда въ ихъ глазахъ
И кружатся надъ ними гиблой стаей птицы.
Но пусто, пусто на поляхъ!

Ал. Вѣлозеровъ.

Сербія.

Цвѣтущій край, Творцомъ благословенный,
Растоптанъ ты тяжелымъ сапогомъ,
Героевъ край, пришельцами плѣненный
И кровью залитый и выжженный огнемъ!
Твои сыны, горящіе любовью
Къ свободѣ, къ родинѣ и къ мирнымъ хуторамъ,
Дрались, какъ львы, но, истекая кровью,
Уснули славныхъ сномъ по доламъ и горамъ.
Ты стонешь, край, какъ раненная птица,
Рукою недруга изгнанная съ гнѣзда...
Въ исторіи борьбы жестокая страница,
Но въ небѣ славы яркая звѣзда!
Ты плачешь, край, кровавыми слезами
И бѣглецовъ таишь въ ущельяхъ темныхъ горъ,
И топчетъ врагъ привычными ногами
Твоихъ долинъ чарующій просторъ.
Скорбь глубока... Но день придетъ желанный:
Падутъ враги, низвергнуты во прахъ,—
Свободнымъ станешь вновь ты, край обѣтованный,
Вновь сливы зацвѣтутъ въ поломанныхъ садахъ.

П. Кандаковъ.

Въ магазинѣ.

За прилавкомъ дубовымъ, съ аршиномъ въ рукахъ,
Окруженный толпою дамъ и дѣвицъ,
Говоритъ терпѣливо все въ тѣхъ же словахъ
Цѣлый день для скучающихъ вѣтреныхъ лицъ.
Раскидаетъ волнами предъ ними куски
И стоитъ предлагаетъ, какъ магъ чародѣй.
Сколько яркихъ цвѣтовъ, что за чудный узоръ,
Словно солнца игра сквозь завѣсу вѣтвей.
Пестрыхъ тканей узоръ, что цвѣты на поляхъ
И сатинъ словно неба просторъ голубой,
Зелень всякихъ цвѣтовъ, словно листья въ вѣтвяхъ
И паплина узоръ—неба ночи глухой.
И отъ этихъ прекрасныхъ природы цвѣтовъ
Отрѣзаетъ проворно то клочья небесъ,
То полей изумрудныхъ весенній нарядъ
Или бархатной ночи темнѣвшихъ завѣсъ.
Но не радуетъ сердце матерій нарядъ:
Онъ отвыкъ отъ деревни, полей и цвѣтовъ,
Цѣлый годъ за прилавкомъ съ аршиномъ въ рукахъ,
Онъ дитя магазина большихъ городовъ.

Ан. Илевскій.

Задача момента.

Бываютъ моменты въ человѣческой общественной жизни, когда азбучныя истины становятся новшествомъ, когда то, что раньше не признавалось, начинаетъ изъ всѣхъ щелей лѣзть.

Нужно ли говорить, что обязанностью каждаго гражданина является проявленіе интереса не только къ своимъ личнымъ дѣламъ-дѣлишкамъ, но и къ общественной и государственной жизни? Да, въ наше время именно объ этомъ и приходится, главнымъ образомъ, говорить и кричать на всѣхъ перекресткахъ. Вѣдь вся наша русская жизнь—это сплошная обывательщина, скучное разбросанное, безпланное прозябаніе отдѣльныхъ разъединенныхъ людишекъ, которыхъ даже великая міровая война не могла всколыхнуть до дна... Даже война не могла въ теченіе полутора года сдѣлать изъ русскаго обывателя

русскаго гражданина! Не могла вовлечь обывателя въ активную общественную жизнь, въ которой выковывается гражданственность со всѣми ея положительными сторонами. Въ стройномъ водоворотѣ общественной жизни единичный обыватель перестаетъ себя чуствовать одинокимъ, заброшеннымъ въ людскомъ потокѣ ничтожествомъ и ощущаетъ всѣми фибрами, что онъ является членомъ организованной группы, спаянной одними и тѣми-же понятіями, убѣжденіями, стремленіями, цѣлями, что онъ есть активная единица въ составѣ государства.

Надо на вещи глядѣть прямо—въ корень, какъ говорилъ Кузьма Прутковъ и признать, что истинно сильной современной державой является только та, весь тылъ которой сплоченъ, сорганизованъ, спаянъ изнутри идущими нитями солиднаго постояннаго объединенія, простого, обыденнаго происхожденія, а не временнаго—чисто военнаго типа.

Возьмите первую въ мірѣ по общественной структурѣ Англію, возьмите союзную Францію, не закрывайте, наконецъ, глазъ на нашего врага—Германію и признайте, что этимъ странамъ легче дается все необходимое для побѣды, чѣмъ намъ. И дается гл. обр. потому, что государство въ этихъ странахъ и особенно въ Германіи встрѣчаетъ полное содѣйствіе во всѣхъ слояхъ населенія, спаяннаго въ безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ ячеекъ. Въ свою очередь всѣ организаціи на западѣ не встрѣчали и не встрѣчаютъ противодѣйствія со стороны правительствъ и ихъ администраціи.

Германіи потому такъ легко было культивировать идею милитаризма, что къ услугамъ распространителей этой идеи были организованныя массы населенія. Эти сорганизованныя массы промышленниковъ, рабочихъ, служащихъ, лицъ свободныхъ профессій и пр., и пр. въ нужный моментъ дали государству максимумъ того, на что способенъ огромный, плотно спаянный коллективъ.

Общественная жизнь нашихъ союзницъ сложилась не въ томъ спеціально военномъ направленіи, какъ общественная жизнь Германіи и потому имъ перестраиваніе общественнаго фронта на чисто военный отняло значительно больше времени, чѣмъ въ Германіи. Но онѣ перестроились, эти наши союзницы и теперь ихъ жизнь уподобилась, если не превзошла жизнь Германіи, какъ по мобилизаціи промышленности, такъ и по мобилизаціи всѣхъ отраслей общественной жизни для одной цѣли—побѣды. Къ организаціи побѣды теперь направлена вся мощь организованныхъ общественныхъ силъ нашихъ союзницъ.

А мы? Подходя съ этой точки зрѣнія на организацію будущей побѣды у насъ на родинѣ, приходится съ грустью признать, что еще многіе и многіе не исполнили своего гражданскаго долга.

Правда, у насъ имѣются попытки организовать промышленниковъ въ военно-пром. комитеты, у насъ есть нѣсколько крупныхъ торговыхъ организацій, синдикатовъ, кооперативное движеніе получило новый толчекъ въ толщѣ населенія, гл. обр. конечно, подъ вліяніемъ все растущей дороговизны; есть у насъ и рядъ временныхъ организацій, образованныхъ на время войны—комитетовъ, кружковъ, «дней сборовъ» и т. п. Но можно ли признать всѣ эти единичныя ячейки за организацію населенія, организацію тыла, столь важнаго для успѣха современной войны народовъ? Конечно, нѣтъ!

Организаціи промышленниковъ и крупныхъ торговцевъ оказались мало гибкими и неприноровленными къ военной обстановкѣ, приходилось и эти организаціи строить заново; въ организаціяхъ временнаго типа не принимаютъ участія широкіе слои населенія; словомъ широкіе круги нашего общества, особенно его трудовые элементы разъединены, не связаны въ ячейки и не дисциплинированы въ постоянной общественной обстановкѣ.

Широкіе слои населенія притлашаются существующими ячейками къ пожертвованіямъ, и общественная и государственная и личная повинность остающихся въ тылу сводится строго говоря только къ взносу той или иной суммы денегъ. Этого, конечно, недостаточно.

Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ полезнымъ для государства — и въ тоже время онъ совершенно не удовлетворяетъ массы населенія, которыя жаждутъ принять участіе въ организаціи тыла, въ проведеніи всѣхъ зависящихъ мѣръ для ускоренія конца войны... Хотѣли бы принять участіе, но разъединенныя человѣческія единицы, не воспитанныя на общественныхъ началахъ, не знаютъ съ чего начать, что дѣлать!..

Не отсюда ли въ значительной долѣ происходятъ хандра, недовѣріе къ своимъ силамъ, необоснованные слухи и подозрѣнія...

Взять на выдержку, для примѣра, хотя бы тотъ классъ, который выступаетъ сегодня съ помощью арміи и родинѣ: торгово-промышленные служащіе, разъединенные дверями магазиновъ, конторъ, стѣнами заводовъ, истомленные продолжительнымъ рабочимъ днемъ, живутъ они порознь, безъ общихъ цѣлей, общихъ стремленій, общихъ возможностей.

Сѣро и мрачно вокругъ!..

И вотъ на фонѣ этого сѣренькаго существованія вразбродъ, порознь—одинъ яркій день даетъ возможность почувствовать себя гражданами, равноправными, не по обязанности, не по призыву, а по

личному почину несущими на алтарь отечества свою осознанную жертву, созданную объединеніемъ на краткій мигъ, на одинъ только день!

Какъ-мало! На одинъ только день! Ну, а потомъ, послѣ этого свѣтлаго дня единенія, осознанія своихъ силъ и возможностей, неужели вновь прежніе потемки буденъ тяжелаго существованія вразбродъ, безъ плана, только для удовлетворенія личныхъ потребностей? Неужели каждый изъ гражданъ 17 февраля вновь превратится въ обывателя на слѣдующій день и снова потекутъ дни безъ свѣтлыхъ проблесковъ, безъ зарницъ общественной организаціи?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

Пусть 17 февраля 1916 года будетъ датой пробужденія торгово-промышленныхъ служащихъ отъ долгаго обывательскаго сна, пусть наше первое, вызванное чувствомъ долга, добровольное выступленіе на общественной аренѣ—для нуждъ государства, для нуждъ воиновъ, пусть этотъ день да послужитъ намъ началомъ нашего общаго единенія не на одинъ день, а постояннаго, крѣпкаго, неразрывнаго!

Дѣла впереди еще такъ много! Наша жизнь такъ не устроена, и устроеніе ея не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, даже титанамъ. Дай Богъ, чтобы оно оказалось подъ силу сплоченному коллективу!

И такъ, нашей задачей гражданъ родины является постоянная систематическая оргнизація тыла нашихъ братьевъ, стоящихъ въ окопахъ противъ врага—это необходимо въ равной мѣрѣ какъ для организаціи передового театра военныхъ дѣйствій, такъ и для устроенія самаго тыла. Немыслима организація тыла, если не сорганизованы тѣ, кто этотъ тылъ составляютъ, это такъ просто и такъ ясно!

Поэтому долгомъ всѣхъ передъ родиной является организація, объединеніе, объединеніе и организація!

Не предуказывая формъ и способовъ объединенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякій кружокъ, всякое общество, всякая группа, объединенная на экономической, профессіональной, научной и др. почвѣ, даютъ лишній камень въ то зданіе, которое явится крѣпкимъ матеріально и сильнымъ морально тыломъ нашей родной арміи. Только объединившись, мы представимъ собою существенную силу и въ будущемъ не разъ можемъ быть полезными себѣ и родинѣ.

Товарищи — служащіе! Щадите затраченный трудъ, не теряйте связи, используйте затраченную вами энергію на организацію дня торговыхъ служащихъ. Пусть это только организація одного дня, но это *организація*.

Используйте моментъ! Фундаментъ положенъ, стройте дальше!.. Будьте сами кузнецами своего счастья и благоденствія родины.

Ю. Яр—скій.

„Все-таки человѣкъ".

Торгово-промышленные служащіе устраиваютъ свой день для сбора пожертвованій на нужды нашихъ воиновъ. Въ этомъ сказалось не только чувство патріотизма,—«свой» день есть также проявленіе групповаго самосознанія, одного изъ элементовъ гражданственности. И въ этомъ отношеніи сплоховали наши женщины: на первое собраніе явилась только одна, между тѣмъ, какъ служащихъ женщинъ въ Нижнемъ множество. Одна изъ мѣстныхъ газетъ справедливо замѣтила по этому поводу, что добиваясь правъ, женщины—торгово-промышленныя служащія, среди которыхъ есть не мало лицъ съ образованіемъ, должны были-бы помнить и объ обязанностяхъ и, прежде всего, объ обязанности по мѣрѣ силъ служить интересамъ общественной жизни. Но можно-ли, по совѣсти, винить женщинъ въ томъ, что онѣ не чувствуютъ себя въ достаточной мѣрѣ гражданками? Вѣдь сознаніе гражданскаго долга, пониманіе связи между правами и обязанностями есть достояніе исключительно человѣка, а человѣкъ—ли женщина? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Въ средніе вѣка этотъ вопросъ былъ поднятъ, какъ извѣстно на одномъ изъ соборовъ и рѣшенъ, на основаніи косвенныхъ доказательствъ, въ томъ смыслѣ, что женщина должна быть, все-таки, признана человѣкомъ. Правда, то было время темное, а мы далеко ушли отъ такихъ временъ. Но прислушаемся къ тому, что говорятъ современники (Именъ я не называю, потому что это существенно увеличило-бы расходы по изданію настоящаго органа—вѣдь о женщинахъ пишетъ всякій, кому не лѣнь).

Одни утверждаютъ, что женщина—вѣнецъ творенія, чистая мадонна, олицетвореніе идеи добра въ мірѣ, ангелъ, геній, существо сверхчеловѣческое.

Другіе, что она демонъ, грязное животное, нуждающееся въ намордникѣ и плети.

Вейнингеръ (тутъ безъ имени не обойдешься, потому что онъ единственный въ своемъ родѣ) находитъ, что то и другое—недоразумѣніе, ибо женщина не добро и не зло, не ангелъ и не демонъ, а просто ничто, она «не существуетъ».

Четвертые, наконецъ, говорятъ, что она и то и

другое, она вмѣщаетъ въ себѣ крайности и противуположности, она полярна, причемъ, однако, оба полюса упираются въ полъ (разумѣй отвлеченный), т.-е. что женщина существо всецѣло сексуальное.

При всемъ живописномъ разнообразіи, эти опредѣленія имѣютъ между собой одно общее—они всѣ очень далеки отъ понятія «человѣкъ», и общественная дѣятельность ни съ однимъ изъ нихъ никакъ не совмѣщается.

Въ самомъ дѣлѣ, согласно мистической теоріи, развитой однимъ пріѣзжимъ лекторомъ, геній есть высшее существо, пребывающее въ сверхдѣятельномъ состояніи; всякій актъ земного творчества для него уже паденіе. А потому, пусть этими грязными дѣлами занимается мужчина, женщина-же должна только лучезарно освѣщать ему путь. Но и демонъ, и животное въ намордникѣ, конечно, неподходящій субъектъ для общественной дѣятельности.

«Ничто» Вейнингера, существо, совсѣмъ не существующее, тоже не можетъ претендовать на дѣятельную роль въ общественной жизни.

Что-же сказать о существѣ сексуальномъ, естественное мѣсто котораго при семейномъ очагѣ?

Правда почти никто изъ нашихъ современниковъ не стоитъ за насильственное удержаніе женщинъ въ томъ или другомъ положеніи: иди, куда хочешь и занимайся, чѣмъ хочешь. Легко сказать, но куда сунешься съ такой аттестаціей?

Если о комъ-нибудь всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что онъ негодяй, онъ, въ концѣ концовъ, и самъ усомнится въ своей порядочности. Не удивительно, что и женщина, о которой издревле и до нашихъ дней не перестаютъ твердить, что она не настоящій человѣкъ, а какая-то смѣсь несообразностей, не можетъ чувствовать себя увѣренно въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ надо быть не «все-таки человѣкомъ», а просто человѣкомъ безъ оговорокъ.

Е. Бродская.

Къ статьѣ „Все-таки человѣкъ".

Помѣщая статью извѣстной въ Нижнемъ общественной дѣятельницы г-жи Бродской «Все таки человѣкъ», мы не можемъ не отмѣтить, что авторъ разсматриваетъ вопросъ въ нѣсколько оригинальномъ освѣщеніи. Г-жа Бродская даетъ перечень нѣкоторыхъ, высказывавшихся въ литературѣ, взглядовъ на женщину, излагая ихъ въ довольно парадоксальной формѣ. Не правда-ли,—достаточно неожиданно, напр., проведенъ знакъ равенства между «демономъ» и «грязнымъ животнымъ, нуждающимся въ намордникѣ», или между «существомъ сексуальнымъ» и существомъ, «естественное мѣсто котораго только при семейномъ очагѣ»? Вѣдь, въ сущности, семейный очагъ является фактомъ не столько «сексуальнаго», сколько хозяйственнаго порядка. Вотъ избитый примѣръ: греческія гетеры — одно изъ яркихъ проявленій сексуальнаго типа женщинъ,—вовсе не были прикованы къ семейному очагу и дали замѣтное отраженіе въ общественной жизни своего времени.

Но дѣло, конечно, не въ отдѣльныхъ неожиданныхъ изворотахъ мысли автора. Дѣло въ томъ, что статья г-жи Бродской парадоксальна по существу. Г-жа Бродская дѣлаетъ выводъ, что всѣ приведенныя ею мнѣнія очень далеки отъ понятія «человѣкъ», и общественная дѣятельность съ ними никакъ не совмѣщается.

Между тѣмъ приводимыя г-жею Бродскою взгляды характеризуютъ женщину только какъ «полъ» (въ широкомъ отвлеченномъ значеніи этого слова), выясняютъ различіе въ этомъ отношеніи женщины отъ мужчины. Изъ этихъ взглядовъ напрашивается одинъ выводъ: женщина не мужчина, но ни въ какомъ случаѣ нельзя сдѣлать заключенія: женщина не человѣкъ.

Въ наше время никто, конечно, не будетъ серьезно защищать такое утвержденіе; этотъ вопросъ, какъ указываетъ сама г-жа Бродская, рѣшенъ еще въ средніе вѣка и пересмотру болѣе не подвергался.

Для того, чтобы парадоксальность основной мысли статьи не бросалась въ глаза, г-жа Бродская старательно избѣгаетъ упоминанія о всякихъ иныхъ воззрѣніяхъ, которыя разсматриваютъ женщину не въ отвлеченной проблемѣ пола, а въ реальной жизни.

Вѣдь если взять только литературу,—и въ особенности литературу русскую,—то у кого изъ извѣстныхъ писателей (не говоримъ уже о первыхъ величинахъ) найдетъ авторъ тенденцію не считать женщину человѣкомъ. Какъ разъ наоборотъ,—всѣ выдающіеся художники слова и всѣ видные мыслители и публицисты видятъ въ женщинѣ не «все-таки человѣка», а просто человѣка.

Отдѣльные брызги литературной накипи, которые указываетъ и можетъ указать г-жа Бродская, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться показателями мнѣній всей литературы, и ужъ не ими, конечно, диктуется отношеніе къ женскому вопросу со стороны широкихъ слоевъ населенія, къ которымъ, повидимому, и обращается г-жа Бродская въ своей защитительной статьѣ.

Г-жа Бродская почему-то оставила безъ вниманія тотъ безспорный фактъ, что положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ опредѣляется совокупностью условій даннаго соціально-экономическаго уклада. Въ анализѣ этихъ именно условій, а вовсе не въ красивыхъ фразахъ «пріѣзжихъ лекторовъ» нужно искать отвѣта на вопросъ о причинахъ общественной инертности женщины.

Въ толщахъ народныхъ массъ, гдѣ забота о хлѣбѣ насущномъ и о прикрытіи отъ холода грѣшнаго тѣла стоитъ пока на первомъ планѣ,—женщина разсматривается не со стороны «сексуальной», а со стороны главнымъ образомъ экономической и общественной. Въ крестьянствѣ—это необходимая работница, въ средѣ лицъ, занятыхъ наемнымъ трудомъ—она полноправная сотрудница-товарищъ. Пусть (въ этомъ послѣднемъ случаѣ) она позже мужчинъ встала на работу, пусть она не обладаетъ еще навыками, пріобрѣтаемыми долголѣтней работой ряда поколѣній —все равно, она полноправный членъ нашей общей трудовой семьи.

Общественная работа и сексуальность—явленія разнаго порядка; вопросы пола—это личное дѣло каждаго, общественная работа—общее дѣло всѣхъ. И мы зовемъ на эту работу женщину не для того, чтобы она этимъ доказала, что она «все-таки человѣкъ». Для насъ—это вопросъ давно рѣшеный. Мы говоримъ женщинѣ: ты наша сотрудница, и тебѣ должны быть близки наши общіе интересы и желательна наша общая солидарность; ты гражданка,—тебѣ должны быть дороги интересы нашей родины. Иди—и становись подъ общее знамя и работай, какъ сможешь и сумѣешь, на пользу общаго дѣла!

Редакціонная комиссія.

Въ правѣ-ли мы помогать нашимъ плѣннымъ.

Второй годъ продолжается безпримѣрная въ исторіи, титаническая война, и столько-же времени, неоскудѣвающей, широкой волной льется въ тылу притокъ пожертвованій на нужды воиновъ, ихъ семей, раненыхъ и бѣженцевъ.

Но сравнительно недавно поднялся вопросъ о помощи нашимъ плѣннымъ во враждебныхъ странахъ,—и сразу обнаружилось странное на первый взглядъ явленіе: люди, у которыхъ на фронтѣ и даже въ плѣну есть родные и близкіе, люди, до сего времени безотказно жертвовавшіе и деньгами, и вещами, и личнымъ трудомъ на всѣ военныя нужды,—вдругъ явились горячими противниками оказанія матеріальной помощи плѣннымъ, несмотря на тяжелыя условія плѣна, несмотря на возможность при несчастіи очутиться самимъ въ положеніи военноплѣннаго.

Очевидно, для такого отрицательнаго отношенія есть серьезные мотивы, и этотъ вопросъ слѣдуетъ обсудить въ широкихъ слояхъ населенія.

Для этого установимъ исходную точку зрѣнія:

Можетъ-ли быть окончена война безъ полной побѣды надъ врагомъ?

Отвѣтъ на это одинъ. Люди самыхъ разныхъ взглядовъ, въ отношеніи настоящей войны, сходятся въ убѣжденіи, что достиженіе прочнаго, длительнаго мира, возможно только съ побѣдой надъ Германіей,—а потому надо вести войну до побѣдоноснаго конца, какъ-бы трудно ни было.

Если такъ, если дѣйствительно всѣ бѣдствія и ужасы современной войны могутъ окончиться только съ побѣдой,—то приходится на время откинуть нашу обычную, мирную логику, и руководиться желѣзной логикой войны, какой-бы странной не казалась она на первый взглядъ.

Прежде чѣмъ предпринять какія либо мѣры для облегченія участи лицъ, несущихъ тяготы войны,—мы должны обсудить, будетъ-ли это способствовать скорѣйшему достиженію конечной цѣли—побѣды,—или наоборотъ, можетъ замедлить.

Посылая нашихъ близкихъ на войну съ девизомъ «побѣдить,—или умереть»,—всѣ, кто еще остается въ тылу, должны заботиться, чтобы воины были сыты, обуты, одѣты, и хорошо вооружены не только на позиціяхъ, но и на мѣстахъ обученія призываемыхъ. Мы должны заботиться, чтобы воины были спокойны за участь оставшихся безъ кормильцевъ семей, чтобы раненые были окружены самымъ тщательнымъ уходомъ, чтобы будущность инвалидовъ была обезпечена.

Всѣ наши силы и средства безъ остатка должны быть направлены къ достиженію этого, не только по чувству гуманности,—но и потому, что это поможетъ арміи одержать побѣду, ускорить рѣшеніе задачи.

Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ о помощи плѣннымъ.

Не будемъ говорить о томъ, что между плѣнными существуетъ громадная разница. Одно дѣло—герой, попавшій въ плѣнъ при полной невозможности со-

противляться,—и совершенно другое дѣло человѣкъ малодушный, сдавшійся въ плѣнъ добровольно, не вынеся ужасовъ современной войны. Хотя оцѣнка поступковъ того и другого будетъ весьма различной,—но раздѣлить общую массу плѣнныхъ на эти двѣ категоріи невозможно до окончанія войны, да и не требуется для рѣшенія вопроса о матеріальной помощи.

Отнесемся къ нимъ съ равной жалостью,—и тѣмъ не менѣе, какъ-бы не сжималось наше сердце, узнавая о страданіяхъ близкихъ,—мы должны дѣйствовать въ интересахъ побѣды, сознавая, что *всѣ эти страданія есть неизбѣжная принадлежность войны и окончатся вмѣстѣ съ нею.*

Нельзя руководиться одной только жалостью въ то время, когда даже шестая заповѣдь Божія имѣетъ другое толкованіе!

Да, наши братья испытываютъ ужасы плѣна. Но вѣдь потому-то *ужасы плѣна* и являются таковыми, что люди находятся *въ плѣну*,—а не въ заграничномъ курортѣ!

Развѣ тѣ наши братья, воюющіе на фронтѣ, не испытываютъ неизмѣримо большихъ *ужасовъ войны?* Развѣ они всегда сыты, обуты, одѣты, а въ окопахъ у нихъ суше и комфортабельнѣй, чѣмъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ?

Неужели духота помѣщеній военноплѣнныхъ можетъ сравниться съ атакой удушливыми газами? Наконецъ, съ чѣмъ можно сравнить ужасы современнаго артиллерійскаго ураганнаго огня?

Однако мы шлемъ туда нашихъ дѣтей и братьевъ, *именно туда,* въ самый адъ современной войны, и только стараемся хотя-бы отчасти улучшить эти условія своими пожертвованіями. Какое-же право имѣемъ мы отнять хотя-бы малую частицу этихъ средствъ и направлять ихъ въ другое русло!

А посылая продукты, вещи и деньги плѣннымъ, мы отдаемъ не свое, а именно отнятое отъ воиновъ, потому что нужда на позиціяхъ и въ тылу не исчерпана, и не можетъ быть исчерпана до окончанія войны.

У насъ не можетъ быть «своихъ лишнихъ денегъ». Всѣ наши средства, за удовлетвореніемъ своихъ крайнихъ потребностей, цѣликомъ должны идти въ одномъ направленіи, только на путь, ведущій къ побѣдѣ.

Но если каждая недоданная копейка вообще отдаляетъ побѣду,—то будучи направлена на помощь нашимъ плѣннымъ въ Германію,—она отдаляетъ достиженіе цѣли вдвое, уходя отъ насъ, и поступая для использованія на вражескую территорію.

Военные авторитеты всего міра считаютъ, что однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для побѣды, является обезсиленіе Германіи путемъ недопущенія подвоза никакихъ продуктовъ извнѣ. Правда, на практикѣ это трудно осуществимо, и мы знаемъ, что есть не мало измѣнниковъ и предателей, которые въ цѣляхъ наживы ухитряются контрабаднымъ путемъ доставлять врагамъ своей родины всевозможные продукты. Но если обидно и больно сознавать, что есть такіе люди, то не менѣе больно видѣть другихъ людей, которые въ высокомъ порывѣ помощи ближнему, своими руками, открыто способствуютъ переправленію цѣлыхъ транспортовъ всевозможныхъ продуктовъ на территорію врага!

Прочтите отчеты нейтральныхъ комитетовъ, являющихся посредниками для передачи посылокъ плѣннымъ,—и вы будете поражены какое колоссальное количество сухарей, картофеля, и всего, въ чемъ наиболѣе нуждаются наши враги, поступаетъ въ Германію. А вѣдь эта организація еще только начинается, скораго окончанія войны и не предвидится,—и въ какихъ цифрахъ выразится общее количество продуктовъ и денегъ, изъятыхъ изъ употребленія у насъ, и использованныхъ такъ или иначе на вражеской территоріи,—пока невозможно опредѣлить даже приблизительно.

Но въ этомъ вопросѣ опредѣленная величина не имѣетъ значенія въ смыслѣ приносимаго вреда. Если въ данный моментъ милліоны пудовъ не имѣютъ значенія,—то быть можетъ придетъ время, когда тысяча пудовъ будетъ имѣть рѣшающую величину. Работаетъ полнымъ ходомъ громадная машина, и кажется нѣтъ силъ замедлить ея мощный разбѣгъ. Однако, недостатокъ всего нѣсколькихъ капель масла, или ничтожная щепотка песку въ подшипникахъ,—могутъ не только затормозить,—но привести всю машину въ негодность.

Вопросъ не стоялъ-бы такъ остро, если-бы въ лицѣ нѣмцевъ мы имѣли корректнаго, рыцарскичестнаго противника,—но въ опредѣленіи ихъ качествъ и пріемовъ веденія войны, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Достаточно привести*) выдержку, основанную на статьяхъ германскихъ газетъ: «*Нѣкоторые германскіе ученые, на случай наступленія голода, заранѣе предлагаютъ проекты уменьшить количество ртовъ. Они считаютъ, что для этого необходимо выгнать все населеніе изъ занятыхъ нѣмцами мѣстностей, и умертвить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ, французовъ, англичанъ и бельгійцевъ*».

Чего-же мы достигнемъ, и кому поможемъ, отнимая необходимое отъ нашихъ воиновъ, и посылая плѣннымъ!

---

*) „Волгарь" № 19, „Обзоръ войны за 1915 г.".

Неужели можно сомнѣваться въ томъ, что въ цѣляхъ достиженія экономіи и сохраненія запасовъ своихъ продуктовъ, нѣмцы сначала еще болѣе сократятъ выдачу плѣннымъ полагающагося порціона, предоставивъ имъ питаться исключительно на наши пожертвованія,—а затѣмъ, когда союзники достигнутъ еще большаго истощенія Германіи,—то разумѣется нѣмцы не постѣсняются реквизировать въ свою пользу и всѣ наши посылки!

Мнѣ могутъ возразить, что такое опасеніе преувеличено, что представители нейтральныхъ державъ никогда не допустятъ этого.

На это я спрошу, гдѣ были эти представители до сихъ поръ, почему они допускаютъ теперь, чтобы нашихъ плѣнныхъ истязали и морили голодомъ? Почему они безсильны заставить нѣмцевъ относиться къ плѣннымъ такъ, какъ того требуетъ международное право?

Развѣ у насъ такъ содержатся плѣнные? Развѣ мы не видимъ, какъ явившись истощенными и изнуренными, они быстро у насъ поправляются?

Какія-же мѣры должны быть приняты для того, чтобы облегчить нашимъ братьямъ условія плѣна? Что можетъ оказать имъ дѣйствительную помощь?

На эти вопросы отвѣтъ одинъ,—побѣда!

Побѣда, и только побѣда даетъ окончаніе войны, а съ ея окончаніемъ сами собой прекратятся ужасы плѣна, страданія, переживаемыя мирнымъ населеніемъ, и вообще всѣ невзгоды, связанныя съ войной

Употребите всѣ усилія поддержать армію на пути къ побѣдѣ, и вы увидите, какъ изъ опасенія справедливаго возмездія, измѣнятся отношенія къ плѣннымъ со стороны обнаглѣвшихъ, зазнавшихся тевтоновъ.

Поэтому всѣ наши силы, всѣ жертвы должны быть отданы солдату—воину, а плѣнный—это пока отрѣзанный ломоть, о которомъ мы можемъ только болѣть душой, какъ болѣемъ о тысячахъ павшихъ,—съ той, однако, существенной разницей, что павшихъ мы уже никогда и ничѣмъ не можемъ вознаградить за понесенныя ими страданія, плѣнныхъ-же героевъ, исполнившихъ свой долгъ передъ родиной, мы сумѣемъ вознаградить по окончаніи войны каждаго по его заслугамъ.

Но до окончанія войны ни копейки денегъ, ни зерна продуктовъ, ни лоскутка того, что можетъ быть использовано врагами,—не должно переходить границу между Россіей и Германіей.

Дмитрій Добровольскій.

По поводу статьи г. Добровольскаго.

Всякая идея, всякое положеніе, разсматриваемыя отвлеченно, внѣ конкретной дѣйствительности, въ которой они проявляются, очень часто приводятъ къ самымъ неожиданнымъ выводамъ, и эти выводы, несмотря на ихъ кажущуюся полную логичность и послѣдовательность, могутъ остаться въ непримиримомъ противорѣчіи не только съ фактами реальной жизни, но и съ отправной точкой, изъ которой исходило разсматриваемое положеніе.

На мой взглядъ, такая именно участь постигла аргументацію г. Добровольскаго въ его статьѣ.

Г. Добровольскій очень горячо, убѣжденно и съ видимой болью въ сердцѣ доказываетъ, что мы не должны помогать нашимъ плѣннымъ. Доводы его въ защиту такого положенія можно свести къ тремъ основнымъ пунктамъ.

1) Соображенія принципіальнаго характера.

Г. Добровольскій говоритъ, что нами выдвинутъ лозунгъ: «все для побѣды»; плѣнные теперь отрѣзанный ломоть; наши заботы о нихъ не только не увеличиваютъ нашихъ шансовъ на побѣду, но, наоборотъ, уменьшаютъ ихъ, ибо отвлекаютъ наше вниманіе, силы и средства отъ устроенія тыла арміи.

2) Соображенія практическаго характера.

Центральныя державы, по мысли г. Добровольскаго, въ настоящее время испытываютъ крайнюю нужду въ продовольствіи; снабжая нашихъ плѣнныхъ въ Австріи и Германіи продуктами питанія, мы будемъ оказывать помощь непріятелю непосредственно,—если допустить, что враги захватятъ посылаемые продукты,—или косвенно, постольку, поскольку высылка продуктовъ изъ Россіи будетъ освобождать нашихъ враговъ отъ обязанности кормить плѣнныхъ, и, наконецъ,

3) Соображенія, вытекающія изъ необходимости моральнаго воздѣйствія на колеблющіеся, слабые элементы арміи.

Г. Добровольскій опасается, что если этимъ слабымъ элементамъ сдѣлаются извѣстными наши заботы о плѣнныхъ, то это послужитъ для нихъ лишнимъ побудительнымъ толчкомъ для добровольной сдачи ихъ въ плѣнъ.

Я попытаюсь разобрать каждый изъ этихъ пунктовъ въ отдѣльности, въ той послѣдовательности, въ какой я ихъ изложилъ.

Г. Добровольскій правъ, говоря, что лозунгъ «все

для побѣды», выдвинуть не случайно, и что мы всѣ свои силы должны направить къ тому, чтобы добиться его осуществленія.

Но этотъ лозунгъ, какъ и всякій другой, очень кратокъ, и въ немъ есть нѣкоторая недоговоренность. Побѣда не есть самоцѣль; она является лишь средствомъ для дальнѣйшаго устроенія жизни. Исторія знаетъ немало примѣровъ, когда пораженія приводили побѣжденное государство къ обновленію и процвѣтанію, и, наоборотъ, побѣды вносили въ дальнѣйшее развитіе политической и общественной жизни государства-побѣдителя такія тенденціи, которыя оказывались впослѣдствіи гибельными для него самого.

Мы стремимся къ побѣдѣ не изъ повышеннаго національнаго самолюбія. Когда мы говоримъ, что нужно продолжать войну до побѣдоноснаго конца, мы совершенно ясно сознаемъ, что наше пораженіе будетъ означать собою экономическое порабощеніе Россіи, задержку роста русской культуры и возможное упроченіе политической реакціи, что побѣда въ этой войнѣ является необходимымъ условіемъ для свободнаго экономическаго, культурнаго и политическаго развитія нашей родины.

Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ сказать, что наша задача кончается съ побѣдоноснымъ окончаніемъ войны; мы не можемъ складывать руки, когда будетъ произнесено слово «миръ». Наоборотъ, послѣ этого начнется главная, огромная организаціонная работа по устройству нашей жизни на новыхъ началахъ.

Для того, чтобы обезпечить свою экономическую самостоятельность, намъ необходимо употребить всѣ усилія для развитія производительныхъ силъ страны, для поднятія общаго, крайне низкаго, уровня матеріальной и духовной культуры; намъ необходимо будетъ общее національное воодушевленіе, воля къ дѣятельности, настойчивое стремленіе къ новой жизни всѣхъ слоевъ населенія, вовлеченіе въ живое сотрудничество всѣхъ работоспособныхъ элементовъ,—однимъ словомъ, необходима напряженная общественная самодѣятельность.

Представимъ же себѣ, что въ это время въ Россію вливаются сотни тысячъ нашихъ согражданъ, бывшихъ въ плѣну, измученныхъ, разбитыхъ, съ душой, опустошенной—не отъ пережитыхъ испытаній,—а отъ горькой обиды, что они были сознательно забыты, что отъ нихъ мы умышленно отказались, считали ихъ «отрѣзаннымъ ломтемъ», малѣйшее вниманіе къ которымъ съ нашей стороны признавали вреднымъ для насъ дѣломъ.

Можно-ли ждать отъ нихъ воодушевленія, воли къ общественной работѣ? Что отвѣтятъ намъ они на нашъ призывъ къ совмѣстному строительству жизни? Развѣ не скажутъ они: вы называете насъ товарищами,—а развѣ товарищей бросаютъ въ тяжелые моменты ихъ жизни? И они будутъ правы.

Чувство обиды у этихъ несчастныхъ будетъ тѣмъ болѣе остро, что они воочію видѣли, что другіе плѣнные—французы и англичане,—не были заброшены и забыты, а, наоборотъ, родина продолжала считать ихъ своими сыновьями и по мѣрѣ возможности распространяла на нихъ свои заботы.

Поэтому я лично полагаю, что проведеніе принципа, защищаемаго г. Добровольскимъ,—объ отказѣ плѣннымъ въ помощи,—«явится значительнымъ минусомъ, который», безусловно, неблагопріятно отразится на темпѣ развитія нашей общественности въ будущемъ.

Этимъ, именно, убѣжденіемъ,—помимо совершенно естественнаго чувства гуманности, жалости къ страдающимъ и инстинктивнаго стремленія къ облегченію ихъ положенія,—должно опредѣляться наше отношеніе къ русскимъ солдатамъ, находящимся въ плѣну. Въ интересахъ не только самихъ плѣнныхъ, но и въ жизненныхъ интересахъ нашей родины, мы должны установить съ ними возможно болѣе живую и тѣсную связь, оказывать имъ помощь, и не дипломатическимъ, только, путемъ, какъ предлагаетъ г. Добровольскій,—а болѣе реальную, путемъ снабженія ихъ предметами необходимаго обихода, проявлять заботу объ ихъ насущныхъ, дѣйствительно вопіющихъ нуждахъ. Не будемъ бояться, что каждая копейка, израсходованная на плѣнныхъ, тѣмъ самымъ отнимается отъ арміи; мы не настолько бѣдны, чтобы не имѣть возможности помочь и солдату въ окопахъ, и солдату въ плѣну. Въ эту войну армія, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ общественной организаціи, сравнительно обезпечена самымъ необходимымъ, и наши заботы о ней имѣютъ не столько матеріальное, сколько моральное значеніе, устанавливая связь арміи съ тыломъ, солдата съ гражданиномъ. Силъ у насъ много, только онѣ не организованы. Лозунгъ: «помощь плѣннымъ» можетъ привлечь новыя средства, сплотитъ новыя усилія, создать новыя организаціи, а всякая новая организаціонная работа, всякое новое объединеніе намъ крайне желательны, какъ предпосылка успѣха той работы, которая предстоитъ намъ послѣ окончанія войны. Поэтому помощь плѣннымъ не ослабляетъ тыла арміи, а, наоборотъ, усиливаетъ его сплоченность. Для будущаго развитія страны всего опаснѣе такое состояніе ея, когда населеніе представляетъ изъ себя людскую пыль, не могущую и не умѣющую организоваться.

Для непріятеля же отсутствіе съ нашей стороны помощи плѣннымъ будетъ лишнимъ доказательствомъ нашего безсилія, нашей дезорганизованности.

А вѣдь извѣстно, что ничто такъ не укрѣпляетъ духа арміи и народа, какъ увѣренность въ слабости противника. Поэтому отказъ въ помощи нашимъ плѣннымъ поведетъ лишь къ подъему настроенія нашихъ враговъ и будетъ увеличивать ихъ, а не наши, шансы на побѣду.

Гораздо менѣе сложнымъ представляется вопросъ о тѣхъ соображеніяхъ г. Добровольскаго, которыя я назвалъ практическими. И въ этомъ отношеніи опасенія г. Добровольскаго я не могу признать основательными. Нельзя предполагать, что Комитетъ будетъ дѣйствовать наобумъ, посылать плѣннымъ подарки, не думая объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Въ настоящее время существуютъ особыя международныя организаціи, подъ контролемъ которыхъ производится снабженіе плѣнныхъ. Несомнѣнно, Комитетъ прибѣгнетъ къ услугамъ этихъ организацій и будетъ оказывать помощь плѣннымъ только при условіи полной гарантіи въ томъ, что посылаемые предметы дойдутъ по назначенію. Черезъ посредство такихъ организацій и путемъ воздѣйствія нейтральныхъ державъ можно же будетъ, вѣроятно, добиться того, чтобы нашимъ плѣннымъ былъ обезпеченъ минимумъ питанія, необходимый для ихъ существованія. При этомъ условіи поступленіе пищевыхъ продуктовъ изъ Россіи послужитъ поддержкой здоровья плѣнныхъ въ полуголодномъ ихъ существованіи. Если же не будетъ увѣренности въ томъ, что посылаемые продукты, хотя бы косвенно (путемъ уменьшенія пищевого довольствія) будутъ использованы нашими врагами, то помощь плѣннымъ можетъ быть оказана въ другой формѣ; они нуждаются во многомъ: въ книгахъ (о «книжномъ голодѣ» писали многія газеты), обуви, тепломъ платьѣ и т. п. Всякая помощь будетъ принята плѣнными съ благодарностью, будетъ дорога имъ, какъ доказательство, что они не забыты.

Остановлюсь еще нѣсколько на третьемъ изъ выставленныхъ г. Добровольскимъ положеній. Оговорюсь прежде всего, что вѣдь не всѣ же плѣнные сдались добровольно; многіе изъ нихъ свято исполнили свой суровый долгъ и попали въ руки врага только въ силу полной невозможности продолжать борьбу. Опасеніе же г. Добровольскаго, что забота о плѣнныхъ явится какъ бы поощреніемъ для слабыхъ элементовъ арміи къ добровольной сдачѣ, по моему мнѣнію, психологически невѣрно: если людей, при добровольной сдачѣ, не пугаютъ ни ужасы вражескаго плѣна (а о нихъ солдаты, конечно, освѣдомлены), ни угроза жестокаго наказанія (до смертной казни включительно), ни, наконецъ, ожидающій ихъ позоръ,—то, нужно думать, что, бросая оружіе, они переживаютъ состояніе полной безнадежности, такого инстинктивнаго, животнаго дрожанія за свою жизнь, при которомъ теряется всякое соображеніе, всякое пониманіе дѣйствительности.

Если же они дѣйствуютъ, выполняя заранѣе намѣченный планъ, то это свидѣтельствуетъ о послѣдней степени ихъ моральнаго паденія, о полномъ отсутствіи сознанія своего долга и отвѣтственности передъ отечествомъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ ожиданіе, что въ плѣну они получатъ помощь съ родины, едва-ли окажетъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе на ихъ психику. Для тѣхъ же лицъ, которыя попадаютъ въ плѣнъ въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ, надежда на такую помощь будетъ служить поднимающимъ духъ утѣшеніемъ въ постигшей ихъ горькой участи.

И если мы откажемъ плѣннымъ въ поддержкѣ только въ силу того послѣдняго аргумента г. Добровольскаго, то это покажетъ лишь, что у насъ нѣтъ ни малѣйшей вѣры въ нашу армію, въ ея моральную мощь, безъ которой невозможна побѣда.

Въ своей наскоро набросанной статьѣ я не могъ исчерпать всѣхъ аргументовъ, разсыпанныхъ въ статьѣ г. Добровольскаго, но, думаю, что и того, что мною сказано, достаточно для выясненія вопроса.

Если наше чувство инстинктивно отвертывается отъ призыва—забыть плѣнныхъ, то нашъ умъ настоятельно диктуетъ намъ необходимость, насколько мы въ состояніи, притти имъ на помощь для того, чтобы избавить ихъ отъ самаго страшнаго,—что можетъ быть въ жизни человѣка,—отъ отчанія и полнаго опустошенія души и сохранить для родины огромные кадры полезныхъ работниковъ, которые будутъ такъ необходимы Россіи въ нетерпѣливо ожидаемой нами новой эпохѣ ея развитія.—

Н. Кор-нъ.

Страхованіе на случай безработицы.

Норма вознагражденія за трудъ торговаго служащаго—это область настолько неопредѣленная и необслѣдованная, что абсолютно нѣтъ возможности хотя-бы приблизительно сказать, какое вознагражденіе слѣдуетъ служащему за исполненіе извѣстной обязанности.—Есть фирмы, оплачивающія трудъ своихъ служащихъ настолько мизерно, что служащіе могутъ жить лишь впроголодь, другія платятъ щедрѣе, но, къ сожалѣнію, послѣднихъ весьма немного.

При такой скудости жалованья торговому служащему приходится, главнымъ образомъ, заботиться о томъ, чтобы свести концы съ концами, что, при нынѣшней дороговизнѣ, представляетъ весьма серьезную и часто непреодолимую задачу.

О какихъ нибудь стремленьяхъ къ самообразованію, къ удовлетворенію своихъ духовныхъ потребностей или къ умственному развитію—служащему не приходится мечтать.—Но самымъ существеннымъ пробѣломъ въ жизни торговаго служащаго является необезпеченность въ случаѣ утери должности

Пріискивая должность, служащій часто попадаетъ въ положеніе только что начинающаго карьеру.—Во первыхъ, часто приходится принимать должность не по душѣ, лишь бы только прекратить время вынужденной безработицы.—Во вторыхъ, приходится согласиться взять за свой трудъ значительно меньше, чѣмъ прежде. Наконецъ, нужда заставляетъ принять такія условія труда, на какія, будучи хоть чѣмъ нибудь обезпеченнымъ, служащій бы не согласился.

Такое положеніе вещей выдвигаетъ вопросъ объ обезпеченіи торговыхъ служащихъ на случай утери должности. На Западѣ профессіональные союзы весьма просто рѣшили этотъ вопросъ.

Каждый членъ союза, кромѣ членскаго взноса, уплачиваетъ еще извѣстную страховую премію на случай безработицы.

Сумма эта высчитывается соразмѣрно получаемому жалованью. Итакъ, въ случаѣ потери должности, служащій получаетъ въ теченіе полгода или цѣлаго года половину или $^1/_4$ часть своего жалованія—смотря по тому, какую страховую премію онъ уплачивалъ.

Жалованіе это союзомъ уплачивается служащему только до момента полученія имъ новой должности. Союзъ такимъ образомъ заинтересованъ въ полученіи служащимъ новой должности, для чего при Союзѣ имѣется спеціальное бюро для пріискиванія должностей своимъ членамъ, что весьма важно для служащихъ.

Конечно, этотъ способъ застрахованія не исчерпываетъ общаго вопроса. Но вопросъ этотъ настолько существененъ въ жизни торговаго служащаго, что всякая дискуссія по этому дѣлу крайне желательна.

Въ одномъ изъ вспомогательныхъ обществъ коммивояжеровъ мы наблюдали такой способъ страховки на случай смерти. Общество это насчитываетъ около 300 человѣкъ; въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, всѣ остальные платятъ по 10 рублей, и общество выплачиваетъ оставшейся послѣ умершаго семьѣ 3000 р. На практикѣ оказалось, что бывали годы, когда помирали два или три члена общества, а иногда проходили годы, въ теченіе коихъ помиралъ только одинъ членъ общества. Такимъ образомъ за 10-20 р. въ годъ—страховка на 3.000 руб.

Я упомянулъ объ этой страховкѣ лишь потому, что она можетъ быть примѣнена и къ страхованію на случай безработицы. Допустимъ, что о-во торговыхъ служащихъ насчитываетъ 500 членовъ, изъ которыхъ теряютъ должность 4-5 человѣкъ. Общество до пріисканія должности должно выплатить имъ по 60 руб. въ мѣсяцъ, что составляетъ расходъ въ 300 руб. въ мѣсяцъ. Чтобы покрыть этотъ расходъ, остальнымъ членамъ приходится платить только по 60 коп. въ мѣсяцъ. Такая сумма, я думаю, не обременила бы торговаго служащаго.

Чтобы выплата жалованья—пособія оставшимся безъ должности—не задерживалась и не была въ зависимости отъ неаккуратнаго взноса членами страховой преміи, въ Обществѣ образуется капиталъ, изъ котораго и выплачиваются эти жалованья, а капиталъ пополняется взносами.

Въ заключеніе еще разъ оговариваюсь, что предлагаемый способъ не исчерпываетъ затронутаго вопроса,—но я буду считать свою задачу выполненной, если эта статья вызоветъ обсужденіе въ средѣ торговыхъ служащихъ и будетъ обращено вниманіе на положеніе торговыхъ служащихъ во время ихъ невольной безработицы.

Мих. Г—гъ.

Жизнь надо строить.

Громъ грянулъ и буря разыгралась. Рветъ и мечетъ разгулявшаяся стихія и съ корнемъ выхватываетъ молодыя, цвѣтущія деревья. И въ грохотѣ бури слышатся стоны, слышится плачъ...

...Буря разыгралась и застала насъ по обыкновенію врасплохъ, по обыкновенію неподготовленными и съ непокрытыми крышами. Она провѣрила нашу бдительность и нашу созидательную способность. И когда настала гроза—мы растерялись, мы только лишь несвязно и робко лепечемъ что-то, какъ дѣтишки-несмыслёныши. И слушая этотъ несвязный лепетъ, стыдно становится за человѣка, за его неумѣніе жить и творить жизнь. И снова, какъ встарь, приходится повторять слова Христа: «Прости имъ, Боже, не вѣдаютъ бо, что творятъ».

Товарищи служащіе! Сегодняшній день—нашъ день. Въ этотъ день мы объединились въ одномъ общемъ чувствѣ—помочь,—чѣмъ можно помочь,—нашимъ братьямъ,—всѣмъ братьямъ, сражающимся, плѣненнымъ, больнымъ,—всѣмъ пострадавшимъ отъ великой бури, всѣмъ героямъ, пытающимся усмирить ее. Въ этотъ день мы сознательно сказали себѣ, что и мы готовы принять и понести тяжкое бремя войны. Но не пора ли въ этотъ день сказать себѣ такъ же и другое. Годъ гнѣва и мести наступилъ, и онъ же является годомъ расплаты и переоцѣнки. И теперь, мнѣ думается, пришло то время, когда мы должны внимательнѣе и глубже всмотрѣться въ нашу жизнь...

Теперь со всѣхъ сторонъ слышатся призывы: организуйте тылъ, организуйте оборону, организуйте побѣду надъ врагомъ! Но, прежде чѣмъ приняться за работу организаціи тыла, мы должны спросить себя: это ли только нужно? Не глубже ли задѣваютъ насъ свершающіяся событія и не призываютъ-ли къ большему: къ организаціи всей жизни во всей ея цѣлостности? И если мы хорошенько и внимательно вдумаемся—какъ мы жили и живемъ до сихъ поръ, то несомнѣнно придемъ къ выводу, что такъ больше жить нельзя и не нужно, что не хозяевами и строителями въ жизни мы были до сихъ поръ, а нерадивыми, небрежными наймитами. Мы не жили, а колобродили и прозябали, не творили жизнь, а тянули нудную и канительную лямку рабовъ. Пусть это горькая, тяжелая и непріятная для насъ правда, но для того, чтобы жить и строить жизнь, мы должны найти въ себѣ мужество, прямо и не морщась посмотрѣть ей въ лицо, чтобы, убѣдившись во всемъ неприглядномъ безобразіи этой правды, выбросить ее изъ своего обихода навсегда... Въ этотъ день мы должны сказать себѣ: мы не хотимъ больше быть рабами жизни, а хотимъ быть хозяевами ея. Довольно плыть подобно безвольнымъ щепкамъ: мы хотимъ сами строить свою жизнь, сами созидать свое счастье и благополучіе, а не ждать когда его вѣтеръ пригонитъ.

Но мало сказать это: нужно захотѣть и исполнить. Слова безъ дѣйствія и мысль безъ проявленія—почти что пустое мѣсто. Нужно отнестись къ задачѣ строительства жизни серьезно, а не дѣлать ее объектомъ пустой болтовни за чайнымъ столомъ и въ иныхъ, пригодныхъ для всякаго краснорѣчія, мѣстахъ.

Чтобы что-нибудь строить, нужно знать какъ строить, для какой цѣли строить и изъ какого матеріала строить. Безъ этихъ трехъ условій никакая постройка не мыслима и не возможна. При плохомъ знаніи ихъ она будетъ непрочной и неустойчивой и вѣчно будетъ грозить обваломъ и требовать подпорокъ, поправокъ и подновленій. И если эти условія необходимы для любой постройки, то тѣмъ паче нужны и важны они для строительства всей жизни.

Нужно учиться и нужно знать. Изъ каждаго шага нашего нужно сдѣлать объектъ познаванія и опыта. Чтобы не одна мелочь не ускользала отъ нашихъ взоровъ и въ любой моментъ могла быть использована въ великой работѣ сознательнаго жизнетворчества—такъ нужно поставить себя. И когда мы добьемся этого, мы съ гордостью можемъ назвать себя достойными сынами Бога, ибо мы сможемъ творить жизнь вновь и вновь... Вѣдь древній легендарный змій сказалъ еще человѣку: «вкусите отъ древа познанія и вы будете яко Бози». Въ этой легендѣ заключена великая истина—не нужно забывать ее никогда.

И первый шагъ, какой мы должны сдѣлать на пути къ знанію; это измѣнить наше отношеніе къ книгѣ. Въ каждой книгѣ—даже въ самой неважной—вложена мысль. И мы должны научиться отыскивать эту мысль, чтобы потомъ присоединить ее къ сокровищамъ нашего духа. Намъ нужно научиться читать книгу и относиться къ ней съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Сейчасъ же пока мы ее читать не умѣемъ. Большинство изъ насъ идетъ къ книгѣ не затѣмъ, чтобы утолить жажду познанія, или найти отвѣтъ на волнующіе насъ вопросы, или насладиться красотой и пріобрѣсти силу и мощь; не затѣмъ подходимъ мы, чтобы еще больше раздуть огонь страстнаго устре-

мленія къ лучшему и величайшему... Насъ очень мало интересуетъ мысль и красота, и куда больше: «вышла она за него замужъ или отравилась»?

И такое отношеніе къ книгѣ обидно для автора и унизительно для насъ. Будемъ же помнить, что авторъ вкладываетъ въ свою книгу лучшее, что у него есть: свою мысль, свою мечту, свое горѣніе и свои достиженія; что онъ полонъ жажды перелить свое лучшее въ наши души—въ этомъ награда и оправданіе его труда и его жизни. И стыдно, не позволительно стыдно, искать въ книгѣ одну только занятную фабулу и смотрѣть на нее, какъ на коробку со сластями.

Но я знаю, что не всѣ такъ смотрятъ на книгу, что у многихъ есть желаніе читать по иному. И вся бѣда лишь въ томъ, что эти многіе не знаютъ, гдѣ взять нужную книгу и какъ ее найти. И вотъ чтобы помочь этимъ ищущимъ—нужны библіотеки, нужны знающіе и толковые работники въ этихъ библіотекахъ.

Въ дѣлѣ необходимаго переустройства жизни роль библіотекъ выростаетъ до громадныхъ размѣровъ. Онѣ являются общедоступными бассейнами знанія. Въ нихъ каждый жаждующій можетъ прійти и взять что ему нужно. Но чтобы быть таковыми бассейнами и мочь удовлетворять требованью каждаго, отношеніе публики къ этимъ учрежденіямъ должно радикально измѣниться. Нужно отбросить вредную скупость на деньги и не жалѣть силъ на ихъ оборудованіе и содержаніе: затраченный капиталъ возмѣстится сторицей. При настоящихъ же условіяхъ библіотеки не смогутъ справиться съ своей задачей и удовлетворительно отвѣтить на всѣ требованія момента, ибо и библіотекъ далеко недостаточно и книгъ въ большинствѣ изъ нихъ мало, и подборъ этихъ книгъ не всегда удаченъ, а главное—мало серьезныхъ, внимательныхъ и знающихъ дѣло работниковъ. Общество слишкомъ скупо удѣляетъ свое вниманіе библіотекамъ и плохо заботится объ ихъ организаціи. Трудъ оплачивается настолько низко, что мало-мальски знающій и толковый работникъ туда не пойдетъ, а если и пойдетъ такъ не столько за тѣмъ, чтобы работать, а чтобы пріять крестное страданіе за идею. Вѣдь это же характерно для нашего общества, что одна изъ крупныхъ Нижегородскихъ библіотекъ въ моментъ не бывалаго вздорожанія жизни предлагаетъ за работу въ ней 25 р. въ мѣсяцъ. Ясно, что отъ 25 рублеваго служащаго нельзя требовать вниманія, любви, интереса къ дѣлу и знаній, что читателю нечего обращаться къ нему за совѣтомъ о нужной книгѣ по данному интересующему его вопросу, ибо у служащаго нѣтъ ни времени, ни средствъ заниматься своимъ саморазвитіемъ и слѣдить за литературой.

И отъ васъ, товарищи, отъ васъ, жѣлающихъ строить свою жизнь самимъ, должно идти обновленіе библіотекъ. Служащіе библіотеки обязаны указать вамъ нужную литературу, обязаны помогать вамъ разбираться въ книжномъ богатствѣ библіотеки. И если они не удовлетворяютъ вашимъ требованіямъ—требуйте замѣны ихъ болѣе знающими, хотя бы и дороже оплачиваемыми. Въ строительствѣ жизни матеріалъ нуженъ доброкачественный, а не хламъ. Кромѣ этого, и сами учитесь искать книгу. Для этого имѣется масса цѣнныхъ пособій и нужно только научиться пользоваться ими. Стоитъ порыться день-два въ такихъ великолѣпныхъ справочникахъ по книжному матеріалу, какъ Рубакинскій «Среди Книгъ», и вы сами научитесь брать то, что вамъ нужно. Служащіе библіотекъ дадутъ вамъ эти справочники и укажутъ, какъ пользоваться ими.

Итакъ товарищи, перестанемъ же бояться чистой мысли и науки. Научная книга не такъ скучна, какъ вы себѣ привыкли представлять. Она обладаетъ безконечнымъ интересомъ для всякаго, кто захочетъ подойти къ ней какъ слѣдуетъ. Данныя науки и знанія раскрываютъ передъ нами широкіе горизонты; во всей красѣ и величіи развертываютъ передъ нами чудную сказку вѣчно-рождающейся вселенной. Отряхнемъ же прахъ нашей унылой и нудной жизни и выйдемъ на просторно-широкія поля жизнестроительства. Тамъ вѣетъ вѣтеръ вѣчности и красоты, и тамъ мы сможемъ и сумѣемъ создать иную жизнь, основанную на началахъ добра, справедливости, красоты и знанія. И уже не будетъ въ жизни нашей громоносныхъ бурь, вселяющихъ ужасъ разрушенія. Заря уже занялась, и солнце взойдетъ скоро.. А на дорогу усвоимъ себѣ простую и бодрящую мысль! Мы сами творцы жизни и красоты, и никто кромѣ насъ не устроитъ ее.

И. Лебединовъ.

Практика взаимопомощи.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ средѣ служащихъ нижегородскихъ ветхозавѣтныхъ торговыхъ фирмъ царилъ глубокій мракъ. О какомъ либо стремленіи къ взаимопомощи не было и рѣчи; всякъ жилъ для себя, не заботясь о своемъ товарищѣ, всякъ въ отдѣльности заискивалъ предъ хозяиномъ, желая выдвинуться и занять господствующее положеніе.

Только въ предпріятіяхъ М. Н. Смирнова тогда впервые въ Н.-Новгородѣ ощупью намѣтилось подобіе нѣкоторой организаціи служащихъ. Группа послѣднихъ, въ числѣ 10-12 человѣкъ, начала откладывать понемногу грошами, пока не собрала сумму на покупку одного билета выигрышнаго займа. Члены группы приступали неоднократно къ выработкѣ проектовъ устава намѣтившейся организаціи, но вслѣдствіе серьезнаго противодѣйствія въ средѣ самихъ служащихъ изъ этихъ попытокъ ничего не получалось. Благодаря ихъ выступленіямъ, служащимъ въ теченіе долгихъ лѣтъ не пришлось добиться никакого улучшенія своего быта.

Группа 10-12 членовъ-товарищей далѣе покупки одного выигрышнаго билета не пошла, никакого устава не разработала и въ 1911 году ликвидировала свою собственность. Вырученныя отъ продажи билета деньги были раздѣлены между товарищами-пайщиками.

Между тѣмъ тусклая жизнь въ темномъ царствѣ текла по прежнему: львиной долей доходовъ пользовались старшіе служащіе. Комми-вояжеровъ разныхъ фирмъ они приглашали явиться «завтра»,—это означало, что вояжеръ долженъ «отпоить наканунѣ всѣхъ приказчиковъ, а старшаго приказчика особо отвезти «докучивать» въ мѣста злачныя... Кромѣ дани натурой, дѣло не обходилось и безъ денежныхъ даяній; этого рода даянія носили даже техническое названіе —«сухія».

Такіе порядки, выгодные для небольшой части старшихъ служащихъ и недававшіе ничего рѣшительно рядовому приказчику, продолжались до 1912 года. Только въ этомъ году утвержденъ уставъ «ссудосберегательной кассы служащихъ фирмы Митрофана Никаноровича Смирнова въ Н.-Новгородѣ». Исторія этого учрежденія взаимопомощи торговыхъ служащихъ интересна и поучительна.

15 сентября 1908 года исполнилось 25-лѣтіе службы въ предпріятіяхъ М. Н. Смирнова его главнаго довѣреннаго А. С. Матвѣева.

По случаю этого юбилея служащіе поднесли А. С. Матвѣеву цѣнный подарокъ за его заботы о нихъ и гуманное отношеніе. Въ отвѣтъ на подарокъ, А. С. Матвѣевъ, съ своей стороны, пожертвовалъ служащимъ выигрышный билетъ дворянскаго займа. Даръ сдѣланъ на извѣстныхъ условіяхъ: 1) билетъ принадлежитъ *всѣмъ* служащимъ фирмы—конторы, складовъ, магазиновъ, фабрики, 2) въ случаѣ выигрыша, послѣдній разверстывается между служащими по суммѣ жалованія, 3) билетомъ завѣдуетъ комитетъ изъ выборныхъ служащихъ отъ всѣхъ предпріятій и, наконецъ, 4) если современемъ въ фирмѣ М. Н. Смирнова будетъ учреждена касса служащихъ, то билетъ этотъ поступаетъ въ капиталъ этой кассы.

Съ этого времени нѣкоторые служащіе во главѣ съ А. С. Матвѣевымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ведутъ упорную борьбу съ противниками идеи взаимопомощи.

Не покладая рукъ работали они надъ уставомъ, многократно передѣлывали его, все принаравливаясь къ требованіямъ жизни всѣхъ служащихъ фирмы.

Только съ 1 ноября 1912 года фактически возникло общество взаимопомощи. По уставу, средства и сбереженія служащихъ образуются изъ 3% взносовъ съ получаемаго жалованья, ежегодныхъ вкладовъ М. Н. Смирнова и другихъ поступленій и пожертвованій. Цѣль кассы—помогать посредничествомъ при покупкѣ предметовъ первой необходимости и выдача ссудъ, а въ случаѣ крайней нужды, и безвозвратныхъ пособій.

Всевозможныя поступленія отъ разныхъ лицъ распредѣляются между служащими, по ихъ содержанію, при чемъ высшій окладъ принять въ 60 р.—всѣ, получающіе больше 60 р. въ мѣсяцъ, считаются на этомъ окладѣ. Часть этихъ поступленій отчисляется—15% въ видѣ вклада служащихъ, 10% въ запасный капиталъ, а 75% выдаются всѣмъ служащимъ на руки.

Образованіе кассы разомъ внесло коренной переворотъ: всѣ тѣ деньги, которыя комми-вояжеры обязаны были пропивать съ приказчиками и выдавать имъ—«сухія», всѣ эти средства въ видѣ % съ суммы закупки товаровъ для фирмы стали отчисляться въ кассу. Въ кассу же ежегодно М. Н. Смирновъ вносилъ первоначально по 500 руб. (1913 и 1914 г.). И вотъ результаты перваго-же года дѣйствій кассы: поступило къ раздѣлу отъ хозяина и продавцовъ тора-

ровъ свыше 5600 р., и за 1913 годъ на 720 р. жалованія служащіе получили 109 руб. добавочнаго вознагражденія отъ кассы.

Второй годъ (1914-ый) далъ еще лучшіе результаты—къ распредѣленію поступило до 8000 р. и выдано на тѣ-же 720 р. жалованья 147 руб.

Въ 1915 г. т. д. «М. Смирновъ съ С-ми» сдѣлалъ шагъ впередъ по пути улучшенія быта своихъ служащихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованности самихъ служащихъ въ дѣлахъ предпріятія. Приказчики магаз. получаютъ съ 1 янв. 1915 г.—1% съ оборота, сдѣланнаго магазиномъ по продажѣ товаровъ; приказчики склада, служащіе конторы и фабрики, а также завѣдующіе магазинами получаютъ 5% съ прибыли.

Въ 1915 году служащіе получили еще не всѣ свои доходы и тѣмъ не менѣе имъ уже выдано кассой на 720 руб. жалованія 163 руб. каждому, кромѣ того служащимъ причитается еще вознагражденіе отъ торговаго дома. Итого за 3 года существованія кассы служащіе уже фактически получили по приведенному разсчету на 720 р. жалованья, свыше 400 руб. и кромѣ того, каждый служащій имѣетъ сбереженій въ кассѣ около 250 руб.

Приведенными данными не исчерпывается полезная дѣятельность кассы взаимопомощи. Произведена, напримѣръ, въ 1915 году закупка предметовъ первой необходимости по низкимъ цѣнамъ: чаю, сахару, мыла, рису, дровъ на 4315 руб.; оказывается помощь семьямъ воиновъ и самимъ воинамъ, которымъ дважды въ годъ касса посылаетъ подарки. Въ 1914 году на послѣднюю цѣль отчислено вмѣстѣ съ пожертвованіями разныхъ лицъ болѣе 500 р., а въ 1915 году до 1200 руб.—на эти деньги посылаются подарки на позиціи и плѣннымъ.

Лицамъ, призваннымъ въ войска, касса выдаетъ полное дополнительное содержаніе по разсчету ихъ годового вознагражденія.

Теперь, когда касса уже окрѣпла, намѣчается еще организація пенсіонной кассы, для которой уже накоплено 840 руб.; уставъ этой кассы разрабатывается.

Вотъ вкратцѣ яркая исторія одной изъ организацій въ нижегородскомъ царствѣ торговыхъ служащихъ. Энергія отдѣльныхъ лицъ побѣдила косность среды, достигла успѣховъ, и теперь служащіе т. д. «М. Смирновъ съ С-ми» имѣютъ на 50% больше содержанія, чѣмъ прежде *только благодаря одному факту объединенія.*

Это ли не убѣдительно? Это ли не примѣръ, достойный подражанія?

Б. В.

Что сдѣлало для войны Нижегородское О-во вспоможенія частному служебному труду.

Въ большой, необъятной Руси нѣтъ, кажется, ни одной самой маленькой ячейки, до отдѣльной семьи включительно, которая такъ или иначе не откликнулась бы на нужды войны.

Нижегородское Общество вспоможенія частному служебному труду, также не осталось глухимъ къ призыву помощи арміи въ ея борьбѣ съ врагомъ.

Само Общество только что пережило тяжелое для себя время внутренняго переустройства, болѣзненно сказавшееся на его жизни. Трудно было ему смѣнить разъ налаженный укладъ жизни, но измѣнившіяся общественныя отношенія за послѣднее время привели его къ этой необходимости. Самымъ важнымъ въ переустройствѣ было точно установленное положеніе, что хозяева, пользующіеся наемнымъ трудомъ, членами Общества быть не могутъ. Борьба за переустройство длилась долгіе годы, отняла много силъ, и закончилась въ концѣ 1915 г. утвержденіемъ общимъ собраніемъ пересмотреннаго устава. Во время этой борьбы ростъ Общества сначала остановился, потомъ сталъ понижаться. Въ послѣднее время можно было бы ожидать прилива новыхъ членовъ, быстраго оживленія работы О-ва на пользу торговыхъ служащихъ,—но пришла война, остановившая на себѣ все вниманіе О-ва. И все же, въ тяжелую для себя пору, О-во нашло въ себѣ достаточно силы, чтобы откликнуться на нужды войны, и откликнуться не дачею только денегъ, а главнымъ образомъ привлеченіемъ къ непосредственной работѣ своихъ членовъ и ихъ семействъ.

Въ октябрѣ мѣс. 1914 г. О-во по постановленію общаго собранія открываетъ въ своемъ помѣщеніи патронатъ на десять человѣкъ раненыхъ. Разсчеты О-ва на личный трудъ членовъ вполнѣ оправдались при открытіи патроната. Все оборудованіе патроната (покупка матеріала, шитье бѣлья, халатовъ, покупка обстановки и пр.) было произведено подъ руководствомъ членовъ и ихъ семействъ, отдающихъ ежедневно много времени заботамъ о томъ.

Патронатъ этотъ функціонируетъ и до сихъ поръ.

На его содержаніе О-вомъ ассигновано уже четыре тысячи р.; кромѣ того, пожертвовано отдѣльными

членами на ту же цѣль 760 руб. и много вещами, какъ то: кровати, подушки, посуда, полотно и пр.

Съ ноября мѣс. 1915 г. патронатъ въ подкрѣпленіе ассигнованныхъ на его содержаніе средствъ, по ходатайству О-ва, сталъ получать ежемѣсячную субсидію отъ Общеземскаго Союза въ размѣрѣ 150 руб. И съ увѣренностью можно сказать, что О-во не остановится передъ дальнѣйшимъ ассигнованіемъ на содержаніе патроната, которое обходится до 300 руб. въ мѣсяцъ. За время существованія патроната до настоящаго времени, черезъ него прошло 60 чел. раненыхъ. Выздоравливающіе снабжались отъ патроната бѣльемъ, теплой обувью, иногда деньгами на проѣздъ до родины. Всѣ раненые, покидая патронатъ, искренно благодарили О-во за теплыя къ нимъ чувства, удобства, покой и уходъ.

Съ дальнѣйшимъ ходомъ войны появились новыя ея жертвы—бѣженцы. Волна ихъ какъ-то черезчуръ быстро и неожиданно хлынула на Нижній. Естественно, что городъ и земство были застигнуты врасплохъ и не сразу смогли справиться съ бѣдствіями, которыя несъ въ себѣ этотъ потокъ. О-во вспоможенія частному служебному труду можетъ гордиться, что оно одно изъ первыхъ, какъ организація, откликнулось на новую нужду Родины, на тяжелое горе бѣженцевъ. Правленіемъ О-ва было созвано экстренное собраніе членовъ и послѣднее единогласно постановило учредить при О-вѣ комитетъ помощи бѣженцамъ, ассигновавъ на это 500 руб. Къ этой ассигновкѣ до сихъ поръ въ комитетъ поступило свыше 400 руб. пожертвованій отъ членовъ О-ва и отъ разныхъ лицъ. Комитетъ задался цѣлью обслуживать бѣженцевъ, преимущественно торгово-промышленныхъ служащихъ, исключительно пріисканіемъ для нихъ занятій и лишь изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, оказывать небольшую и денежную помощь отдѣльнымъ бѣженцамъ. За 4 мѣсяца существованія Комитета имъ были предоставлены занятія 70 лицамъ, съ ежемѣсячнымъ заработкомъ всѣхъ ихъ около 4200 р. Результаты конечно небольшіе, но это объясняется тѣмъ, что Комитетъ желалъ и могъ обслуживать прежде всего торгово-промышленныхъ служащихъ, а такихъ лицъ среди бѣженцевъ было очень мало. Большинство получившихъ отъ Комитета работу—лица семейныя. Считая накругъ семью въ три души, получится, что О-во черезъ свой Комитетъ обезпечило существованіе 210 лицъ. Эта цифра конечно сравнительно скромна, тѣмъ не менѣе она все же говоритъ въ пользу О-ва и продуктивности его работы.

Но самое главное, что сдѣлало О-во для войны, это его иниціатива объединить вокругъ себя большую, разрозненную, несоорганизованную семью торгово-промышлен. служащихъ, съ цѣлью устроить «день торгово-промышленныхъ служащихъ» для сбора въ пользу нуждъ арміи. Независимо оттого, насколько этотъ день будетъ удаченъ въ смыслѣ сбора, важно уже то, что торгово-промышленные служащіе объединяются около опредѣленной цѣли, организуются въ опредѣленную группу, втягиваются въ общую жизнь, которая съ необходимостью требуетъ проявленія альтруизма, умѣнья жертвовать своими интересами въ пользу общихъ интересовъ. Это важно въ томъ отношеніи, что конецъ войны трудно предугадать, а до того времени тылъ арміи долженъ быть хорошо организованъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ областяхъ, ибо это залогъ успѣха войны. Не пройдетъ даромъ починъ О-ва въ дѣлѣ объединенія служащихъ, и послѣ. Кончится война, умѣнье объединяться намъ вновь пригодится,—потому что какой бы ни былъ конецъ войны, послѣдствія ея будутъ нелегки для насъ и перенести ихъ легче людямъ, умѣющимъ объединяться для общихъ цѣлей.

М. М—въ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

Отъ Организаціоннаго Комитета 1
Воронъ, — стихотв. Ал. Бѣлозерова 5
Отклики изъ окоповъ, — С. Г. 5
Зимній вечеръ, — стихотв. А. Истомина 6
Отзвуки битвъ, — разсказъ В. Мартовскаго 7
Безуміе и ужасъ, — стихотв. Вѣры Порошиной 10
Смертельная, — разсказъ Ив. Касаткина 11
Мечты, — стихотв. Калеріи Сухановой 14
Бездомные, — набросокъ Софьи Горбачевой 14
Заблудилась, — стихотв. А. З—къ 17
Ненасытные, — этюдъ Е. Бездомнаго 18
Приказчикъ, — стихотв. Н. Крюкова 18
Обижаютъ, — разсказъ И. Волина 19
На Вислѣ, — стихотв. Фед. Якимова 21
Сестрамъ милосердія, — стихотв. Кн. А. Звенигородскаго 22
Швея, — набросокъ П. Кандакова 22
Птицы и люди, — стихотв. П. Кандакова 23
Вешніе зовы, — миніатюры А. Истомина 24
Къ картинѣ, — стихотв. Ал. Бѣлозерова 27
Сербія, — стихотв. П. Кандакова 27
Въ магазинѣ, — стихотв. Ан. Илевскаго 27
Задача момента, — статья Ю. Яр—скаго 27
„Все-таки человѣкъ“, — статья Е. Бродской 29
Къ статьѣ „Все-таки человѣкъ“, — Редакц. Комиссіи 30
Въ правѣ-ли мы помогать плѣннымъ,—статья Д. Добровольскаго . . 31
По поводу статьи Добровольскаго, — Н. Кор—на 33
Страхованіе на случай смерти, — статья Мих. Г—га 36
Жизнь надо строить, — статья И. Лебединова 37
Практика взаимопомощи, — статья Б. В. 39
Что сдѣлало для войны нижегородское о-во вспоможенія частному служебному труду, — статья М. М—ова 40
Обложка, — работы художн. Л. Діаманта.
Иллюстраціи.
Объявленія.

Отъ Редакціонной Комиссіи.

Комиссія по редактированію Сборника выражаетъ искреннюю признательность г. г. авторамъ за безплатное предоставленіе для Сборника литературнаго матеріала, а также учрежденіямъ, фирмамъ и лицамъ, оказавшимъ свое любезное содѣйствіе по изданію Сборника.

МАГАЗИНЪ

В. С. Самойлова.

Н.-Новгородъ, Б. Покровка, зданіе Думы.
Телефонъ 42.

ВСЕГДА БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
сезонныхъ вещей.

Шляпы, гаржеты, перелины, трико.
Паради, Эспри, Кросъ.
Чулки, перчатки, трости, платки.
Дамское бѣлье.
Шифонъ, кружева, отдѣлка, шитье.
Мужское бѣлье.
Галстухи, воротнички, фуфайки, помочи.
Заграничные ДУХИ лучшихъ фирмъ.

СКЛАДЪ БУМАГИ

АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА „КЮММЕНЕ“.

Представитель С. С. ГРУЗИНОВЪ.

Похвалинская ул., домъ Шишова. Телефонъ № 5-17.

СТЕКЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОДЪ

и

ЛѢСОПРОМЫШЛЕННАЯ КОНТОРА

С. С. Зелехова.

Почтовый адресъ: с. Нестіаръ, Нижегородской губ., Макарьевск. уѣзда.

Телеграфный: Марьино, Нижегородск. губ.

Для денежн. переводовъ: с. Воскресенское, Нижегор. губ., Макарьевск. уѣзда.

Въ Нижегородской ярмаркѣ:

Петроградская ул., соб. лавка.

УЧАСТКИ ЗЕМЛИ

въ 1 в. отъ Макарьевской части (Н.-Новгородъ), прилегающіе къ жел. дорогѣ, удобные подъ склады и фабрики, **сдаются въ аренду.**

Обращаться: къ В. Г. Позднякову, с. Гордѣевка, Нижегородск. губ., соб. домъ.

ЭКИПАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Тимофея Михайловича

ЛОЦМАНОВА

Почт. ст. Городецъ, Нижегор. губ., дер. Опалиха.

Имѣются въ запасѣ готовыя телѣги и тарантасы для военныхъ надобностей.

МАНУФАКТУРНЫЙ МАГАЗИНЪ

Федора Андреевича

ЛАМОНОВА.

Нижній-Новгородъ, Зеленскій съѣздъ.

Нижегородскій Союзъ Учрежденій Мелкаго Кредита

Варварка, д. Кашиной.

Телефонъ 12-91. Телегр. адресъ СОЮЗБАНКЪ.

ПЛАТИТЪ по ВКЛАДАМЪ:

срочнымъ отъ 5 до 7%, по безрочн. текущ. счетамъ и мелк. сбереженіямъ до 5%.

МАГАЗИНЫ СОЮЗА:

Нижегородская ярмарка, Платочная 12. **Нижній-Новгородъ**, Нижній Базаръ, домъ Городского Общественнаго Управленія.

Вклады и проценты по нимъ гербовымъ сборомъ не облагаются.

СОЮЗЪ производитъ **ПОСРЕДНИЧЕСКІЯ ОПЕРАЦІИ** по покупкѣ и продажѣ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, кустарныхъ произведеній и сырыхъ матеріаловъ (валяная обувь, стельки, ложки, кожевенный товаръ, кровати и пр.).

Союзъ объединяетъ 112 товариществъ съ 70647 членами и съ отвѣтственностью за СОЮЗЪ въ 12.245.000 руб.

ДЕНЬГИ СОЮЗА ИДУТЪ ВЪ НАРОДЪ.

Союзъ издаетъ кооперативный журналъ

„Вѣстникъ Нижегородскаго Союза Учрежденій Мелкаго Кредита“:

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Подписная плата съ пересылкою: на 1 годъ 3 р., на полгода—1 руб. 50 коп. Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой—10 к., безъ пересылки—7 к.

Нижегородская Уѣздная Земская

Касса Мелкаго Кредита.

КАССА ВЫДАЕТЪ ССУДЫ: кредитнымъ товариществамъ, обществамъ потребителей, волостнымъ, сельскимъ и общественнымъ ссудо-сберегательнымъ кассамъ; артелямъ; сельско-хозяйственнымъ обществамъ; волостнымъ, сельскимъ и крестьянскимъ товариществамъ и обществамъ. **По ссудамъ взимается 7% годовыхъ.**

КАССА ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ срочные, условные и безсрочные: **% по вкладамъ установленъ:** по текущему счету—4%, по срочнымъ до года—5½%, свыше года—6% и по безсрочнымъ—5%. Вклады принимаются отъ товариществъ, обществъ, артелей и отъ частныхъ лицъ и учрежденій, съ 10 час. до 3 час. дня. Желающимъ выдаются кассетки (копилки).

Принимаются вклады **съ обязательными срочными взносами** для накопленія условленной суммы изъ взносовъ и %% въ теченіе 3—20 лѣтъ.

ВКЛАДЫ, ввѣряемые кассѣ **не подлежатъ ни описи, ни отчужденію** по какимъ бы то ни было взысканіямъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 1083 уст. гражд. судопр. и не подлежатъ оплатѣ 5%-нымъ и гербовымъ сборомъ. **Счета по вкладамъ сохраняются въ тайнѣ** и открываются не иначе, какъ по основанному на законѣ требованію правительственной или судебной власти. Вклады, размѣромъ до 1000 руб., при переходѣ по наслѣдству не оплачиваются наслѣдственными пошлинами.

ВСѢ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАССЫ ОБЕЗПЕЧИВАЮТСЯ отвѣтственностью Нижегородскаго Уѣзднаго Земства. **Касса помѣщается** при Нижегородской Уѣздной Земской Управѣ: **Н. Новгородъ, Б. Печерка, домъ Земства. Телефонъ № 2—92.**

Нижегородская Губернская Земская

Касса Мелкаго Кредита

(уголъ Жуковской и Больничной ул., д. Губернскаго Земства).

Принимаетъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій вклады.

По вкладамъ платитъ:

срочнымъ на 6—11 мѣсяцевъ	5% годовыхъ	условнымъ свыше 3 лѣтъ	5½% годовыхъ
отъ 1 до 2 лѣтъ	5½% „	на текущій счетъ	4% „
„ 2 до 3 „	5¾% „	до востребованія	4½% „
свыше 3 „	6% „		

По условнымъ вкладамъ принимаются сбереженія до поступленія дѣтей въ учебныя заведенія, на приданое, на случай потери трудоспособности и т. п.

Вкладчикомъ можетъ быть сдѣлано заявленіе о выдачѣ вклада, въ случаѣ его смерти указаннымъ имъ наслѣдникамъ. Сдѣланное вкладчикомъ также заявленіе равносильно завѣщательному распоряженію и, если вкладъ не болѣе 1000 руб., онъ освобождается отъ наслѣдственныхъ пошлинъ. Завѣщательные вклады выдаются наслѣдникамъ безъ утвержденія ихъ судомъ въ правахъ наслѣдства.

Проценты по вкладамъ, помѣщеннымъ въ Кассу, освобождаются отъ 5% сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Вклады обезпечиваются имущественною отвѣтственностью Нижегородскаго Губернскаго Земства, въ томъ числѣ и налогами.

Операціи Кассы по пріему и выдачѣ вкладовъ производятся ежедневно, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 2 часовъ дня.

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
МЯЗДРИКОВЪ,

преемникъ А. А. СОСУЛЬНИКОВОЙ.

Нижній-Новгородъ, Нижній базаръ: Набережная, домъ Т-ва М. Е. Башкирова.

Нижегор. ярмарка, уголъ Нижегородской и Макарьевской ул., соб. лавка, №№ 47–51.

ТОРГОВЛЯ
ПАРОХОДСКИМИ и СТРОИТЕЛЬНЫМИ МАТЕРІАЛАМИ,

снасти, канаты всевозможныхъ сортовъ, кошмы, войлока разные, брезенты всевозможныхъ размѣровъ, парусина всякой ширины, паруса готовые, цементъ, стекло оконное, маты палубные, смольные и бѣльные, равенсъ или прядь льняная и пенковая, тряпка, хлопокъ обтирочный, ветошь бѣлая, шпагатъ, картонъ разный, клеенка всевозможная, линолеумъ, ремни сшивальные, волосъ вареный, сало, олеинъ, освѣтительные и смазочные матеріалы, толь, смола, варъ, рукавицы кожаныя, нитка бичевки разныя, ленъ, пенька, пакля бѣльная и смольная, кожевенный товаръ, тертыя и сухія краски.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ШОРНЫХЪ, КОВРОВЫХЪ и РАЗНЫХЪ ДРУГИХЪ ТОВАРОВЪ.

Фирма существуетъ съ **1879** года.

Адресъ для телеграммъ: Нижній-Новгородъ, **Мяздрикову.**

Телефонъ № 3-72.

Аптекарскій магазинъ

С. А. БѢЛОВА.

Малая Печерка, собств. домъ.

Парфюмерные и химическіе товары.

Предметы гигіены.

Суконно-мануфактурный магазинъ

А. М. ПОЯРКОВА.

Уг. Б. Покровки и Благовѣщ. площади.

Получены въ больш. выборѣ НОВОСТИ СЕЗОНА.

Цѣны внѣ конкуренціи.

Магазинъ

„Домашнее Хозяйство.“

Уг. Б. Покровки и Осыпной ул., д Пальцева.

Большой выборъ:

посуды, лампъ, самоваровъ, мельхіора

и пр.

ПРІЕМЪ ПОЧИНКИ. Продажа КЕРОСИНА.

Цѣны низкія.

А. БАЖЕНОВЪ.

Рождественская ул., д. Городского О-ва.

СУКОННЫЕ, ШЕРСТЯНЫЕ и БУМАЖНЫЕ ТОВАРЫ.

ТЕХНИЧЕСКАЯ

агентурная контора и складъ

„ПОСРЕДНИКЪ“

Т. М. Васильевой.

Н.-Новгородъ, Рожедственская улица, домъ Косаревыхъ.

ТЕЛЕФОНЫ : конторы 11-81. квартиры 11-24.

ВСЕГДА ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ высш. качества:

Набивки и прокладки англійск. заводовъ.

Всякаго рода асбестовыя издѣлія.

Смазочныя масла и мази.

Принадлежности керосино-калильнаго освѣщенія

„ЛЮКСЪ“.

Устройство пробковой изоляціи котловъ и трубъ.

ВАТНАЯ ФАБРИКА

А. И. СОМОВА съ Бр.

с. Верея, Рязанск. губ.

Торговля: Н.-Новгородъ, Нижній Базаръ, противъ столичнаго Ломбарда.

Адресъ для писемъ: Спас-Клепики, Рязанск. губ.

„ „ телеграммъ: Спас-Клепики.

Гармоніи, балалайки, швейныя машины, рояли, піанино и велосипеды.

Магазинъ **С. С. СТАРОВѢРОВА.**

1) Н.-Новгородъ, Нижн. Базаръ, у Кремлевскаго элеватора. Телефонъ № 16-32.

2) Нижегородская ярмарка, по Шоссе, собств. лавки, №№ 90—92.

!! Награды на выставкахъ !!

В. И. СОЛНЫШКОВЪ 2-ой.

с. Безводное, Нижегородск. губ. (почта и телеграфъ).

ФАБРИКАНТЪ

металлическихъ тканей, мельничныхъ ситъ и всевозможн. проволочныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ и фосфористо-бронзовыхъ плетеній.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ,
БУКСИРНОЕ ПАРОХОДСТВО, ФАБРИКА ТЕРТЫХЪ МАСЛЯНЫХЪ КРАСОКЪ

Наслѣдницы коммерціи совѣтника

ПАВЛА МАТВѢЕВИЧА

МОРОЗОВА.

Нижній-Новгородъ, Астрахань, Нижегородская ярмарка.

Фирма существуетъ съ 1874 года.

ЦЕМЕНТЪ ПОРТЛАНДСКІЙ.

Огнеупорный кровельный ТОЛЬ Т-ва „А. НАУМАНЪ и К-о".

СТРОЕВЫЕ МАТЕРІАЛЫ:

кошмы и войлоки бѣлые, черные, сѣрые, красные разныхъ размѣровъ и сортовъ, **ПАКЛЯ** бѣльная и смольная. **ПАРОХОДСКІЕ, ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ, ФАБРИЧНЫЕ и заводскіе МАТЕРІАЛЫ:** асбеститъ, асбестовыя и резин. издѣлія, стекла водомѣрныя, фонари сигнальные, лаки, олифы, кисти; **СМАЗОЧНЫЕ** олеинъ, мазь „Мадія"; сало; **ОБТИРОЧНЫЕ:** хлопокъ, тряпка, ветошь; **КИРПИЧЪ** огнеупорный и бѣлый; **ГЛИНА** огнеупорная и бѣлая.

СНАСТИ бѣльныя и смольныя, разной толщины бичевы, нитки и вязка—ШПАГАТЪ всевозможныхъ сортовъ.

ПАРУСА ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Тертыя масляныя краски своей фабрики. СУХІЯ КРАСКИ.
Смола газовая, древесная, варъ.

БРЕЗЕНТЫ высшаго качества всевозможныхъ размѣровъ и разные сорта ПАРУСИНЫ и РАВЕНТУХОВЪ.

ПАЛЬТО и НАКИДКИ непромокаемыя брезентовыя. **КЛЕЕНКА** разныхъ сортовъ и **ЛИНОЛЕУМЪ; БАРХАТНЫЕ КОВРЫ, ДОРОЖКИ, ПОЛОВИКИ.**

ШОРНЫЙ ТОВАРЪ въ большомъ выборѣ.

Адресъ: Н.-Новгородъ, Астрахань, Нижегородская ярмарка.
для писемъ: Наслѣдницѣ **П. М. Морозова.**
„ „ телегр. Пароходству **Морозова.**

А. И. КОССОВА.

ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ТОРГОВЛЯ:

Въ Н.-Новгородѣ, на Нижн. Базарѣ, въ д Н. А. Бугрова, подъ Вол.-Кам.-Ком. Банк. **Телефонъ № 4-46.**
Въ Нижегородской ярмаркѣ, прот. Гл. Дома, Малый Овощн. рядъ, №№ 43, 44 и 45. **Телефонъ № 1-71.**

Продажа оптомъ и въ розницу:

Бумаги: писчей, почтовой, альбомной, рисовальной, оберточной, цвѣтной и мраморной, англ. цвѣтной и бѣлой, карамельной печатной, парафиновой, золотой и серебряной и пр. сортовъ. Древеснаго желт., сѣр. и соломен. картона Коленкора и мотескина. Конторскихъ, канцелярскихъ и чертежныхъ принадлежностей. Рамъ, багета и картинъ. ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Петръ Соколовъ и К^о".

Нижній-Новгородъ, Нижній Базаръ, домъ Биржевого Общества.

Телефонъ № 1-04.

МАНУФАКТУРНЫЙ СКЛАДЪ

сукна, трико, ситцевъ, платковъ, шерстяныхъ матерій, бумажныхъ и прочихъ товаровъ.

БѢЛЬЕ МУЖСКОЕ и ДАМСКОЕ, ЧУЛКИ, ПЕРЧАТКИ, ПОРТМОНЭ, РЕДИКЮЛИ.
Модныя отдѣлки, кружева, тюль, пуговицы.
Дамскія шляпы, цвѣты, эгреты, вуали.
ЖУРНАЛЫ МОДЪ сезона 1916 г.
МАГАЗИНЪ
П. И. УТКИНА.
Н.-Новгородъ, Рождеств. ул., пр. Блиновск. сада.

МАГАЗИНЪ
А. М. БРѢЕВОЙ.
Рождественская ул. Телеф. № 4-16.
ВСЕГДА ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ:
Канцелярскіе и писчебумажные товары. Альбомы для фотографій и открытокъ. Багетъ и рамки для портретовъ и картинъ. Книги для чтенія. Дѣтскія книги для подарковъ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
МАНУФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ
Ивана Николаевича
МЕЛЬНИКОВА.
Сукно, трико, шерстяныя матеріи, ситца, платки, скатерти, ланкордъ, тикъ и проч.
Н.-НОВГОРОДЪ, Рождеств. ул., д. Н. А. Бугрова (подъ В.-К. Б.).
НИЖЕГОР. ЯРМАРКА, Нижегор. ул., д. Арбековой, бл. цирка.

ПОСУДНО-ЛАМПОВЫЙ МАГАЗИНЪ
Николая Михайловича Князева.
Главная контора и складъ:
Н.-Новгородъ, Нижній базаръ, Ново-Гостинный рядъ.
Телефонъ № 9-20.
Полная сервировка для буфетовъ и ресторановъ.
Цѣны безъ запроса. Фирма сущ. съ 1843 г.

ХОРОШО ПОКУШАТЬ МОЖНО
ТОЛЬКО **ВЪ МОСКОВСКОЙ СТОЛОВОЙ** ТОЛЬКО
Рождеств. ул. и Набережн., д. кн. Голицына.
ВСЕГДА СВѢЖАЯ ПРОВИЗІЯ, ХОРОШЕЕ приготовленіе подъ рук. оп. кулинара.
ДОСТУПНЫЯ ЦѢНЫ.

Спеціально **ПОЛОТНЯННЫЙ** магазинъ
Федора Тимофеевича
ГОРЧАКОВА.
Н.-Новгородъ, Б. Покровка, д. Гор. Управы.

Машино-Судостроительный ЗАВОДЪ

Акціонернаго Общества

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ТЕПЛОХОДЪ“

находящійся близь с. Боръ, противъ Нижняго-Новгорода.

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ:

Пассажирскіе, буксирные и наливные теплоходы.
Пассажирскіе и буксирные пароходы.
Баржи наливныя и для сухого груза.
Нефтяные и прочіе резервуары съ установкой на мѣстахъ.

ИСПОЛНЯЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЯ СУДОВЫЯ МЕХАНИЧЕСКІЯ РАБОТЫ.

Н.-НОВГОРОДЪ, поч. ящ. № 15, телефонъ № 8-22.

Константинъ Николаевичъ

ДОРОФѢЕВЪ.

ШОРНЫЕ И СТРОЩИЛЬНЫЕ МАТЕРІАЛЫ

Н.-Новгор., Алексѣев. ул., д. Бубновыхъ.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ
МОДНО-ГАЛАНТЕРЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

Ивана Петровича ПОЛЯКОВА.

въ Н.-Новгородѣ:

1) Нижній-Базаръ, д. Казанской церкви, противъ магазина П. К. Сотникова.
2) Б. Покровка, уголъ, противъ Городского театра и
3) Нижегор. ярмарка, Шоссе, Сундучн. рядъ, №№ 7, 8, 9 и 10.

НОТНЫЕ и МУЗЫКАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ

В. А. ГУМИНСКАГО.

Н.-Новгородъ.

Б. Покровка, д. Дворянства и отдѣленіе Б. Покровка, д. Бр. Кемарскихъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Граммофоны, патефоны и пластинки къ нимъ.

Дмитрій Михайловичъ ПЫПИНЪ-ЧЕЧУЛИНЪ.

Н.-Новгородъ, Нижній Базаръ. Тел. № 17-78.

Нижегор. ярмар., Желѣзн. рядъ, №№ 29, 31, 33 Тел. 77-79.

ТОРГОВЛЯ

шорными, веревочными, кошомными товарами. Колесная мазь цементъ, пакля бѣлын. и смольная Брезенты, шпагатъ всѣхъ номеровъ, нитки и пряжа всѣхъ сортовъ.

Въ пользу ЗАЩИТНИКОВЪ РОДИНЫ

17-го февраля въ „ДЕНЬ ТОРГОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ“.

Торг. Домъ „Преемники В. С. РЕТИВОВА, ВОЛКОВЪ и К-о“.

Отчисляетъ 15% съ выручки дня.

Н.-Новгородъ, уголъ Осыпной и Алексѣевской улицъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Іосифъ ОКУЛОВЪ съ С-ми“.

Торговля

РЫБНЫМИ ТОВАРАМИ И КОНСЕРВАМИ.

Въ Н.-Новгородѣ: Нижній Базаръ, въ Рыбномъ ряду. Телеф. № 3-73.
Въ Нижегородской ярмаркѣ: Торговая пл., Рыбный рядъ, №№ 10, 12, 14, 16 и 18. Телеф. 7-26. Холодильникъ, Телеф. № 11-39.

МАГАЗИНЪ

ОБУВИ, ШЛЯПЪ, ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ

ТОРГОВАГО ДОМА

„Преемники В. П. ЗАПЛАТИНА“

въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Телефонъ № 16-56. **Телефонъ № 16-56.**

Т-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

Резиновыя техническія издѣлія

Авто-шины.
Вело-шины.
Экипажныя шины и принадлежности.
Хирургическія издѣлія.
Мячи.
Игрушки.
ГАЛОШИ.

1860
Т.Р.А.Р.М.
ПЕТРОГРАДЪ
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

Отдѣленіе въ Н.-Новгородѣ:

Рождественская ул., д. Н-въ Блинова.
Телефонъ № 10 42.

На Нижегородской ярмаркѣ: Пушная Набережная, 1-я линія, №№ 15-19.

П. Ф. РЕМЛЕРЪ.

МАГАЗИНЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ и ПАРФЮМЕРНЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Н.-Новгородъ, Большая Покровка.

Мануфактурная торговля ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КОКОРЕВА.

Н.-Новгородъ,
Почаинскій рынокъ,
Городской корпусъ, №№ 10 и 11.

Т-во „Л. и Ф. Вильбушевичъ".

Аптека и аптекарскіе магазины
и
заводъ искусств. минеральн. и фруктовыхъ водъ.

Н.-НОВГОРОДЪ, ВАРВАРКА.

МАНУФАКТУРНЫЙ МАГАЗИНЪ
Торговый Домъ „И. А. БЕЛИЦЪ и К°."
Н.-Новгородъ, Почаинскій рынокъ,
д. Урлашева.

Торговый Домъ
Братьевъ Ж. и Ѣ. Лишмаръ.
Н. Новгородъ, Почаинскій рынокъ,
д. Мельникова.
Цѣны самыя дешевыя.

Оптово-розничный
мануфактурный магазинъ
Б. Я. Соколовъровой.
Н.-Новгородъ, Почаинскій рынокъ,
Новый каменный корпусъ, №№ 1 и 2 съ угла.

Мануфактурный магазинъ
Н. П. Иголкина.
Н.-НОВГОРОДЪ,
Почаинскій рынокъ, Городской корпусъ, №№ 19 и 20.
17-го февраля въ „День Торговыхъ Служащихъ" дѣлаю отчисленіе съ дневной выручки въ пользу сбора 10%.

Мануфактурная торговля
Н. Г. Лишмаръ.
ПРОДАЖА: сукна, трико, драпу и шевіота.
Н.-НОВГОРОДЪ,
Почаинская ул., д. Казанской церкви.

Литографія С. П. Федотова.
Н.-Новгородъ, начало Ковалихинск. ул., д. № 5, тел. 8-85.
Владѣлецъ — бывш. рабочій, литогравскій граверъ.
Оборудована всѣми нужными машинами при маломъ масштабѣ.
Исполненіе всѣхъ многокрасочныхъ работъ.
Благодаря личному участію въ работѣ — исполненіе тщательное и цѣны ниже другихъ.

Бакалейная и колоніальная торговля
Алексѣя Степановича ЛЯМИНА.
Н.-Новгородъ,
Юрьевская улица, собственн. домъ.

Магазины кожаной и валяной обуви
Т-ва „А. Осокина и К°."
въ Н.-НОВГОРОДѢ:
1) Осыпная ул., д. Ушакова, телеф. № 9-32.
2) Большая Покровка, д. Никольской церкви.

Торговый Домъ

„М. Карповъ съ С-ми“

Нижній-Новгородъ, Рождественская ул., соб. д. № 20.

Фирма существуетъ съ 1897 г.

Телефонъ № 5-49.

Оптово-розничные магазины

кожаной, валяной
и бурочной обуви,
резиновыхъ галошъ,
шляпъ, шапокъ
и фуражекъ.

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ:
сундуки, чемоданы
и фанерныя кордонки.

Модно-галантерейные
и мануфактурные товары:

драпъ, трико, сукно,
байковыя и
тканьевыя одѣяла.

БѢЛЬЕ,
галстуки и
парфюмерія.

Отдѣленіе игрушекъ. ○○○ **Цѣны безъ запроса.**

Адресъ для телеграммъ: „ВАЛЯНКИ“.

Нижегородскій Купеческій БАНКЪ.

Основанъ въ 1870 году.

Производитъ учетъ векселей.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ %% бумагъ.

Открываетъ спеціальные текущіе счета подъ обезпеченіе %% бумагъ и векселей.

Принимаетъ суммы на текущіе счета, на вклады до востребованія и на опредѣленные сроки.

Страхуетъ отъ тиражей выигрышные билеты.

Принимаетъ переводы денегъ во всѣ города.

Принимаетъ на комиссію для полученія платежей—векселя, желѣзно-дорожн. и другія квитанціи.

Принимаетъ %% бумаги и разныя цѣнности на храненіе.

ПРАВЛЕНІЕ БАНКА НАХОДИТСЯ: Н.-Новгородъ, Рождественская улица, домъ Кудряшева и Чеснокова.

Магазины Торговаго Дома

И. Н. КАМЫШОВЪ и К°

1) Большая Покровка, домъ Иванова. 2) Большая Покровка, д. Бр. Чесноковыхъ.

сукно, трико, драпъ, шелковыя и шерстяныя матеріи.

полотна, скатерти, салфетки и разные мануфактурные товары.

Т-во „К. П. Полушкинъ и И. М. Ершовъ".

Мебель.

Зеркала.

Кровати.

Н.-Новгородъ, Б. Покровка, соб. домъ. Телефонъ 11-12.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Александра СМИРНОВА Сыновья

ПАРОВАЯ МЕХАНИЧЕСКАЯ КАНАТНАЯ ФАБРИКА

И ТОРГОВЛЯ ПАРОХОДСКИМИ и БАРЖЕВЫМИ МАТЕРІАЛАМИ.

Фабрика существуетъ съ 1875 года.

Главная контора и торговля:

Нижній-Новгородъ, Рождественская ул., д. Т-ва М. Е. Башкирова.

Отдѣленія:

1) Сасово, Тамбовской губерніи.
2) Растяпино, Московско-Нижегор. ж. д.
3) Рыбинскъ

Адресъ для телеграммъ во всѣ конторы и отдѣленія „СМИРНОВЫМЪ".

ВЫРАБАТЫВАЕТЪ на СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКѢ:

буксиры, канаты, бичевы, веревку и пряжу изъ русской пеньки всевозможныхъ размѣровъ и толщины.

ТАКЖЕ ИМѢЮТСЯ въ ПРОДАЖѢ:

баржевые паруса и разные равентуха, парусина двуниточная и однониточная, брезенты, войлокъ, пакля смольная и бѣльная, палубныя маты, кранцы, спасательные круги и пояса, желѣзныя ведра, фонари, блоки, калитки, рогожа и проч. пароходныя и баржевыя принадлежности и паковочный матеріалъ.

„ТОВАРИЩЕСТВО“.

Книжный, писчебумажный и

игрушечный магазинъ.

БИБЛІОТЕКА НОВЫХЪ КНИГЪ.

Нижній-Новгородъ, Большая Покровка, домъ Дворянства.

Телефонъ № 12-80.

ФАБРИКА ВАЛЯНОЙ ОБУВИ

и магазины кожаной и валяной обуви, резиновыхъ галошъ и дорожныхъ вещей

ТОРГОВАГО ДОМА

„МИТРОФАНЪ СМИРНОВЪ съ С-МИ“

въ Н.-Новгородѣ.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1827 ГОДА.

ИМѢЕТЪ ПОЧЕТНЫЕ ОТЗЫВЫ:

За Нижегородскую выставку сельскихъ произв. 1866 г.

За Петроградскую Мануфактурную выставку 1870 г.

За Вѣнскую выставку 1873 года.

МЕДАЛЬ и ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ:

За Всемирн. Колумбовувы ст. въ Америкѣ, въ г. Чикаго 1893 года.

СЕРЕБРЯНЫЯ МЕДАЛИ:

За Всероссійскую выставку въ Н.-Новгородѣ 1896 г.

За Парижскую выставку 1900 года.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ за выст. Императорскаго О-ва Охоты въ Москвѣ 1904 года.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ за Всемірную выставку въ Льежѣ 1905 года.

Магазины находятся: 1) въ Н.-НОВГОРОДѢ, на Нижнемъ Базарѣ, у Никольской церкви; 2) на Большой Покровкѣ, свой домъ; 3) въ КАНАВИНѢ, 3-я линія, домъ Ходалева.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ильинка, соб. домъ.

„ „ „ „ въ Нижегородской ярмаркѣ, у Новаго Собора.

Русское Товарищество торговли металлами

Износковъ, Зуккау и К°,

г. Н.-Новгородъ, Софроновская площадь. Тел. 9-59.

Имѣетъ для продажи на собственныхъ складахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ:

Сибирское черное кровельное желѣзо.

Оцинкованное кровельное желѣзо собств. зав. „Славянинъ“.

Сортовое желѣзо и издѣлія изъ него:

цѣпи корабельныя, гвозди, кровати и проч.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

РУССКИХЪ АККУМУЛЯТОРНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

Правленіе и техническ. контор. Петроградъ, Мойка 58.
Телефонъ № 30-66.
„ № 52-30.
„ № 54-44.

„ТЮДОРЪ“.

ЗАВОДЪ: въ Петроградѣ, *Сурскій пер., 3.*

ИНЖЕНЕРНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Москвѣ: Юшковъ пер., д. Ускова, Мясн. ул. **Тел. № 27-13.** △ **Въ Кіевѣ:** Фундуклевск. 30. **Тел. № 17-15.**

Телеграфный адресъ для Правленія и всѣхъ Инженерныхъ Отдѣленій:

„АККУМУЛЯТОРЪ“.

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ АККУМУЛЯТОРОВЪ
по системѣ „ТЮДОРЪ“.

Станціонныя батареи для освѣщенія и передачи силы.
Переносные аккумуляторы для освѣщенія вагоновъ, экипажей, лодокъ и автомобилей.
Аккумуляторы для автомобильной тяги.
Аккумуляторы для запала моторовъ.
Телеграфные и микрофонные элементы.
Аккумуляторы для безпроволочнаго телеграфированія.
Карманные аккумуляторные фонари и проч.

Устройство электрическаго освѣщенія отдѣльныхъ вагоновъ и цѣлыхъ поѣздовъ по собственной весьма совершенной и всемірно извѣстной системѣ.

Проспекты, смѣты и прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Торговый Домъ

„А. Д. ВЯЛОВЪ съ С-ми“

въ Н.-Новгородѣ

Торговля табачными, москательными

— и —

писчебумажными товарами.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Компаніи Троицко-Кондровской

писчебумажной фабрики **В. ГОВАРДЪ и К°.**

Администрація по дѣламъ

ТОРГОВАГО ДОМА

НАСЛѢДНИКИ

Александра Андреевича

ИКОННИКОВА,

въ Нижнемъ-Новгородѣ на Нижнемъ Базарѣ.

Нижегородской ярмаркѣ.

ПРОДАЖА:

желѣзныхъ, скобяныхъ, мѣдныхъ товаровъ, англійскихъ пилъ и пр. инструментовъ.

Телефонъ № 3-79.

П. М. ЧИБЫШЕВЪ и К°

Мѣховыя товары, полушубки, бумажная пряжа и крестьянскій холстъ.

Н.-Новгородъ
Рождеств.-ул. Зеленск. съѣздъ.
Телефонъ №. 16-29.

Нижегородская ярмарка.
Мурашкинскія рядъ, № 35.

МАНУФАКТУРНЫЯ ТОРГОВЛЯ

ТОРГОВАГО ДОМА

„Е. Г. КОРБМАНЪ съ С-мъ“

Нижній-Новгородъ,

Рождественская ул., д. Заплатина

КОЖАНАЯ, ВАЛЯНАЯ и БУРКОВАЯ ОБУВЬ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ,

Шляпы, шапки и фуражки. Зонты и трости.

МАГАЗИНЪ

Григорія Афанасьевича ТРУСОВА,

въ Н.-Новгородѣ:

На Нижнемъ Базарѣ, уголъ Зеленскаго съѣзда, д. Н-въ Муратова (противъ магаз. Бурмистрова)

Въ Нижегородской ярмаркѣ:

1) Нижегородская ул., Старо-Театральн. номера, д. Ермолаева
3) Пассажъ, противъ цирка бр. Никитиныхъ.

Въ с, Сормовѣ, Больш. Шоссейная ул., соб. домъ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

Фирма сущ. съ 1878 г.

Всякая купленная обувь, если окажется неудобной, перемѣняется безпрекословно. Обувь для смѣны просятъ не марать

Деньги обратно не возвращаются.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

СВѢЖЕЙ и ЖИВОЙ РЫБОЙ

К. А. СТРѢЛЬНИКОВА

въ Нижнемъ-Новгородѣ.

1) у. Магистратскаго съѣзда. Телефонъ № 5-20.
2) Во время ярмарки у Плашкоутнаго моста. Телеф. № 1-01.
Въ остальное время года, Телефонъ № 1-01, перенос. въ квартиру, Плотничный пер., соб. домъ.

ИКОННАЯ и КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Ивана Михайловича

ПАПШЕННИКОВА

въ Н.-Новгородѣ,

Нижній Базаръ, д. церкви св. Троицы.

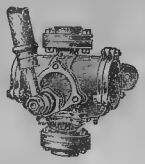
Василій Ивановичъ

МЕЛЬНИКОВЪ.

Торговля мѣхами всевозможныхъ

СОРТОВЪ.

Н.-Новгородъ, Магистратская ул., д. Епархіальн. вѣдомства.



Техническая Контора и Товарные склады

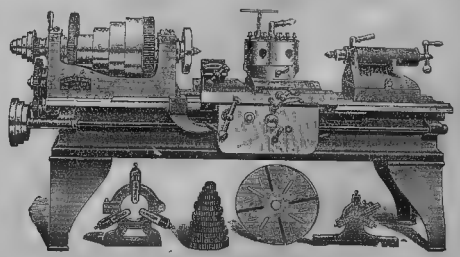
К. ЭЛУХЕНЪ,

сущ. съ 1879 г.

Н.-НОВГОРОДЪ,
САМАРА,
АСТРАХАНЬ.

ВСЕ ДЛЯ ПАРОХОДОВЪ и ЗАВОДОВЪ,
КАНАЛИЗАЦІИ, ВОДОПРОВОДОВЪ
и ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ,

СТАНКИ и ДВИГАТЕЛИ,
АРМАТУРА,
РЕМНИ,
МЕТАЛЛЫ,
ТРУБЫ и ЧАСТИ,
ВѢСЫ и т. п.
КРАСКИ, ОЛИФА, ЛАКИ, ОБОИ.



ТОРФЪ

самое дешевое топливо съ успѣхомъ и значительной экономіей въ стоимости по сравненію съ другими видами топлива, примѣняется **ДЛЯ ОТОПЛЕНІЯ ФАБРИКЪ, ЗАВОДОВЪ, ЖИЛЫХЪ ДОМОВЪ, КИРПИЧЕ-ОБЖИГАТЕЛЬНЫХЪ ПЕЧЕЙ** и другихъ всякаго рода промышленныхъ предпріятій, предлагаетъ контора.

Нижегородскаго Акціонернаго Общества

„ТОРФЪ“

Биржевые номера № 5.

Телефонъ 17-66.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Преемники Я. ЖУКОВСКАГО Б. ЛЕВЕНТАЛЬ и К°

Москва, Нижній-Новгородъ.

Москва. Мясницкая ул., Бол. Златоустинскій переулокъ, д. № 6. Телефонъ { № 245—41. № 25—99.

Н.-Новгородъ. Рождественская ул., д. насл. Косарева. Телефонъ { 2—07 11—24 близъ Купеческой Биржи.

Адресъ для телеграммъ: { МОСКВА, Златоустинскій Жуковскому. Н.-НОВГОРОДЪ, Жуковскому.

СПЕЦІАЛЬНОСТИ ФИРМЫ: устройство электрическаго освѣщенія и передача силы не разстоянія. Самостоятельныя станціи Телефонныя сообщенія и сигнализаціи. Складъ паровыхъ и динамо-электрическихъ машинъ и всѣхъ принадлежностей электро техники. Богатый выборъ заграничной изящной бронзы и собственной фабрики по заграничн моделямъ.

Цѣны умѣренныя. ◻ **Наилучшіе отзывы.**

НА ФАБРИКѢ и МАСТЕРСКИХЪ ФИРМЫ ПРОИЗВОДЯТСЯ:

ремонтъ динамо-машинъ всѣхъ системъ, А ТАКЖЕ: золоченіе, серебреніе, никкелированіе и оксидированіе

и изготовляются **СВѢЧИ „ДЕА“** для автомобилей и моторныхъ лодокъ.

Полное ручательство за срочное и аккуратное исполненіе заказовъ.

Составленіе смѣтъ и проэктовъ, которые по полученіи запросовъ и данныхъ, составляются и высылаются немедленно и безплатно.

Уполномоченный фирмы въ Н.-Новгородѣ В. В. ВАСИЛЬЕВЪ.

ТЕЛЕФОНЪ № 11—24.

НОВОСТЫ Металлическія лампы до 80% экономіи. НОВОСТЫ

НОВОСТЫ Металлическія лампы до 80% экономіи. НОВОСТЫ

Нижегородское Главное Агентство

Сѣвернаго Страхового Общества

Производитъ пріемъ страхованій

1. **Отъ огня:** всякаго рода строеній, товаровъ, домашняго имущества, фабрикъ, заводовъ и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.
2. **Отъ всѣхъ случайностей въ пути:** пароходовъ, судовъ и всякаго рода грузовъ.

Контора помѣщается:

въ Н.-НОВГОРОДѢ, на Рождественской улицѣ, въ домѣ Т ва М. Е. Башкирова (бывш. Столичнаго Ломбарда), противъ Николаевскаго Общественнаго Банка.

Главный Агентъ *И. И. Крюковъ.* ТЕЛЕФОНЪ № 2-02.

НИЖЕГОРОДСКАЯ КОНТОРА

НЕФТЕПРОМЫШЛЕННАГО и ТОРГОВАГО ОБЩЕСТВА

„ВАРИНСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ ЗАВОДЫ И. Н. ТЕРЪ-АКОПОВА",

въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ Базарѣ, д. Бр. Блиновыхъ.

ПРОИЗВОДИТЪ ПРОДАЖУ:

КЕРОСИНА, АСТРАЛИНА, ПИРОНАФТА, БЕНЗИНА и МИНЕРАЛЬНЫХЪ МАСЛЪ:

машиннаго, веретеннаго, шерстнаго, вазелиноваго, цилиндроваго, газоваго и соляроваго,

СЕБОНАФТА, ДИСТИЛЛАТОВЪ, ГУДРОНА, НЕФТИ и НЕФТЯНЫХЪ ОСТАТКОВЪ,

МАЗИ „МАДІЯ". МАЗИ КОЛЕСНОЙ СОБСТВЕННАГО ЗАВОДА,

находящіяся близъ Нижняго-Новгорода, въ сельцѣ Варѣ, Балахнинскаго уѣзда.

ТОВАРИЩЕСТВО

НИЖЕГОРОДСКОЙ МАСЛОБОЙНИ и ХИМИЧЕСКАГО ЗАВОДА

ТРЕПЕЛЬ и ПОЗНЯКЪ

Нижній-Новгородъ.

Правленіе: Нижній Базаръ, д. Косарева. **Телефонъ № 3-12.**

Нижегородская Ярмарка: уголъ Московскаго бакалейнаго ряда и Бубновской площ., собственная лавка, №№ 1-3. **Тел. № 7-65.**

МАСЛА: ГАРНОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ, ХЛОПКОВОЕ, КОКОСОВОЕ, ГАЛЛИПОЛЬСКОЕ и ОЛИФА.

РУССКІЙ для внѣшней торговли БАНКЪ.

Учрежденъ въ 1871 году.

Основной сполна внесенный капиталъ 60.000.000 рублей. Запасный капиталъ 21.000.000 рублей.

ПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Отдѣленія въ Россіи: въ Аккерманѣ, Александровскѣ, (Екатеринославской губ.), Армавирѣ, Архангельскѣ, Астрахани, Баку, Балаковѣ, Барнаулѣ, Старой Бухарѣ, Бѣльцахъ, Великомъ-Устюгѣ, Винницѣ, Вознесенскѣ, Вологдѣ, Вяткѣ, Евпаторіи, Ейскѣ, Екатеринодарѣ, Екатеринбургѣ, Елисаветградѣ, Измаилѣ, Ишимѣ, Каинскѣ, Камышловѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Козловѣ, Кокандѣ, Кременчугѣ, Москвѣ, Городское отд. въ Гавриковомъ пер. въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Городское Отдѣленіе на Большой Покровкѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Новороссійскѣ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Перми, Павлодарѣ, Покровскѣ, Полтавѣ, Ригѣ, Ромнахъ, Рыбинскѣ, Ряжскѣ, Петроградѣ—на Калашниковской биржѣ, на Сѣнной площади и на Васильевскомъ Островѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Сызрани, Симбирскѣ, Симферополѣ, Томскѣ, Тюмени, Умани, Уфѣ, Ѳеодосіи, Херсонѣ, Чистополѣ и **Агентства:** въ Александріи, Никополѣ, Саранскѣ, Челябинскѣ. **Отдѣленія за-границей:** въ Парижѣ, Лондонѣ, Генуѣ и Константинополѣ.

ОТДѢЛЕНІЯ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ. **Главное Отдѣленіе:** Рождественская ул., домъ н-въ Шугурова. **Городское Отдѣленіе:** Большая Покровка домъ Кудрявцева и Чеснокова. **Ярмарочное Отдѣленіе:** Шоссе, домъ Хаккель.

Производятъ всѣ банковыя операціи: пріемъ денегъ на текущія счета, вклады на сроки и до востребованія; выдача переводовъ и аккредитивовъ на всѣ города Россіи и за-границу; учетъ и инкассо векселей и торговыхъ обязательствъ; ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ, товаровъ и транспортныхъ квитанцій; покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ и исполненіе всѣхъ биржевыхъ порученій; комиссіонная покупка и продажа товаровъ по порученію третьихъ лицъ; страхованіе выигрышныхъ билетовъ и проч.

Стальная панцырная комната для храненія цѣнностей.

Телеграфный адресъ: **НИЖНІЙ, БАНКОРУСЪ.**

МАНУФАКТУРЪ СОВѢТНИКЪ

П. К. СОТНИКОВЪ съ Сыномъ.

Модные шелковые, шерстяные, суконные, бумажные, льняные и разные товары.

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ,

оптово-розничный магазинъ

НА НИЖНЕМЪ БАЗАРѢ,

на Зеленскомъ съѣздѣ, противъ Казанской церкви.

ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ

по Главной 12 линіи №№ 27—38.

ОПТОВЫЙ МАГАЗИНЪ

по 24 линіи, подъ № 23 и напротивъ рядомъ съ Бразильскимъ пассажемъ.

Телефонъ № 10-36, во время ярмарки 12-98.

Суконные, шерстяные и
бумажные товары.

Первое Мануфактурное Товарищество.

Рожд. ул., д. К-въ Рукавишникова. Телефонъ № 11-52.

Пріемъ заказовъ на
мужское платье.

М. И. МАЛАШКИНА
Н.-Новгородъ.
Почаинскій рынокъ. Телефонъ № 8-84.

ТОРГОВЛЯ:
МАУФАКТУРНЫМИ, ГАЛАНТЕРЕЙНЫМИ,
МОДНЫМИ и др. ТОВАРАМИ.

Мих. Иванов. ГОРДѢЕВЪ.
Н.-Новгородъ.
Алексѣевская ул., д. Торсуева, № 3. Телефонъ — 5-37.
ФАБРИКА ТЕРТЫХЪ и МАСЛЯНЫХЪ КРАСОКЪ.
ТОРГОВЛЯ
москательными товарами, красками, лаками, щетками, обоями, оберточной бумагой, картономъ и стекломъ разн. заводовъ.

ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
„СВѢТЪ“.
Н.-Новгородъ, Рождеств. ул., д. Блинова. Телефонъ № 4-19.
Адресъ для телегр. Н.-Новгор. „ЭЛЕКТРОСВѢТЪ“.
Полное оборудованіе электрическаго освѣщенія.
Постановка двигат., динамо-маш. и электро-мотор.
Производство гальваническихъ элементовъ.

ШЛЯПЫ, ШАПКИ и ФУРАЖКИ
Ивана Михайловича
СОРОКИНА.
Н.-Новгородъ, Почаинская ул.
ТОРГОВЛЯ ОПТОМЪ и ВЪ РОЗНИЦУ.
Цѣны внѣ конкурренціи.

Стекольная торговля
ОРНОВА.
Н.-Новгородъ,
Осыпная ул., д. Бубнова.

КОМИТЕТЪ „ДНЯ ТОРГОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ“

выражаетъ глубокую благодарность г.г. публикаторамъ за отзывчивое отношеніе къ нашей организаціи.

Общество Вспоможенія Частному Служебному Труду

въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Б. Покровка, д. Бр. Фроловыхъ. ——— Телефонъ № 9-43.

Извлеч. изъ Устава:

„§ 1. Общество Вспоможенія Частному Служебному Труду въ Н.-Новгородѣ имѣетъ цѣлью улучшеніе быта лицъ, занятыхъ частнымъ служебнымъ трудомъ".

Канцелярія Правленія Общества открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 9 час. утра до 4 час. дня. Очередныя засѣданія Правленія происходятъ по четвергамъ въ 8 час. вечера.

Библіотека О-ва открыта ежедневно съ 10 час. утра до 4 час. дня и вечеромъ по понедѣльникамъ и четвергамъ съ $6^1/_2$ до $8^1/_2$ час., по праздникамъ отъ 12 до 2 час. дня; въ лѣтніе же мѣсяцы: іюнѣ, іюлѣ и августѣ по субботнимъ днямъ и вечеромъ по понедѣльникамъ библіотека закрыта.

Врачъ О-ва Н. К. Медовщиковъ принимаетъ безплатно членовъ О-ва и членовъ ихъ семействъ у себя на дому (Петропавловская улица, домъ Богоявленской) отъ 4 до 6 дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Тяжко-больные могутъ приглашать врача на домъ съ разрѣшенія Правленія.

На лѣкарство и медикаменты изъ аптекъ: г.г. Вильбушевича—на Варваркѣ, Прагерта—на Б. Ямской, Когана и Ракова (бывшей Кольберга)—на Б. Печеркѣ и Сточика—на Нижнемъ Базарѣ, для членовъ О-ва и ихъ семействъ установлены слѣдующія скидки: съ рецептовъ врачей 15% и съ ручной продажи 10%, на что изъ канцеляріи выдаются открытыя письма.

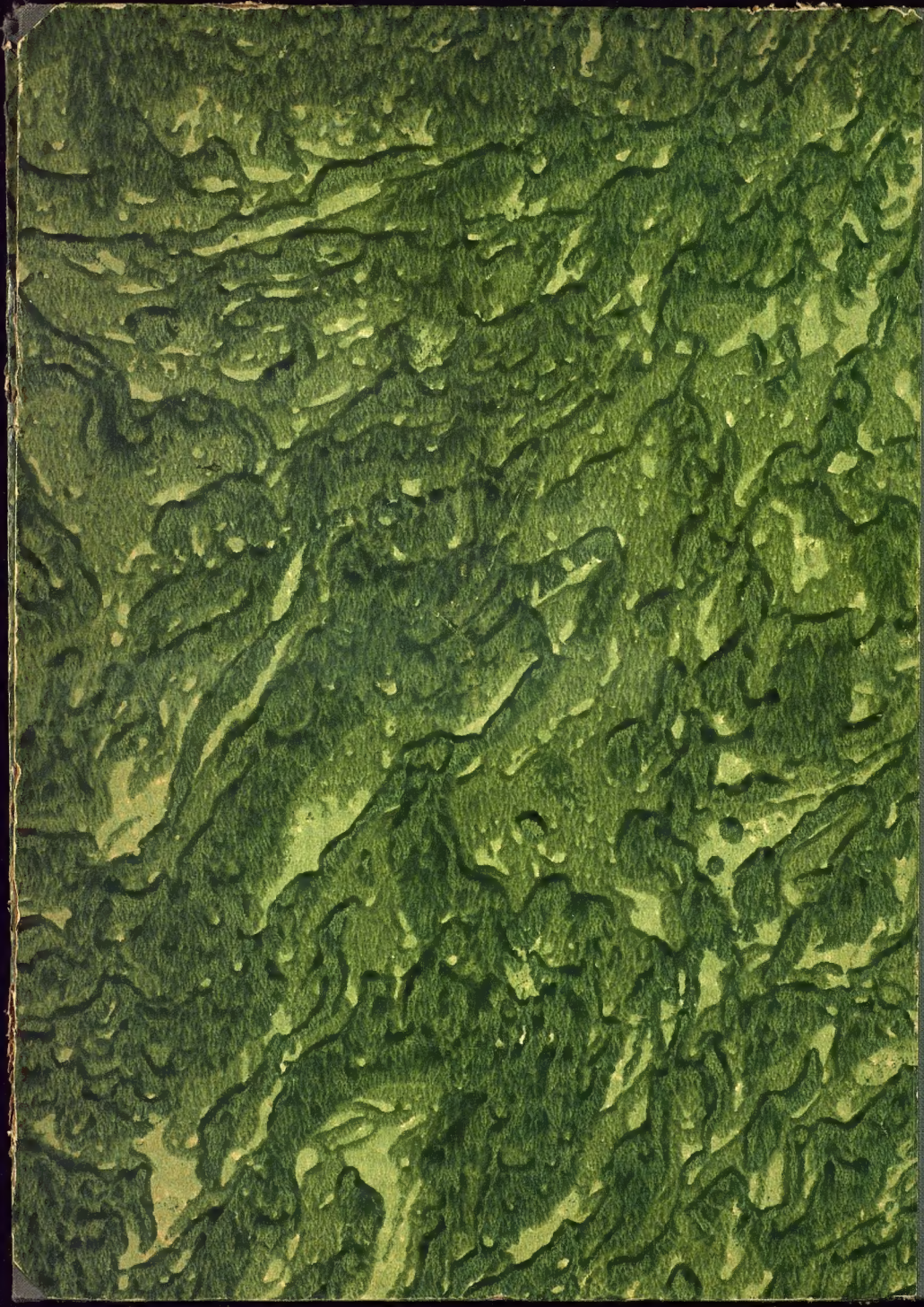
Заявленія г.г. членовъ О-ва, а равно и членовъ ихъ семействъ, о пособіи на ученіе дѣтей изъ предназначенныхъ для сего суммъ, принимаются въ канцеляріи Правленія съ 1 іюня по 1 сентября; при заявленіяхъ необходимо представить послѣдній табель учащагося, а также указать о семейномъ и матеріальномъ положеніяхъ просителя.

Заявленія членовъ О-ва, а равно и членовъ ихъ семействъ, желающихъ воспользоваться пособіемъ изъ капитала „невѣстъ" на выдачу дочерей въ замужество, принимаются въ канцеляріи Правленія, причемъ въ заявленіи должно быть подробно обяъснено матеріальное и семейное положенія. Преимущество въ данномъ случаѣ дается бѣднымъ.

При О-вѣ существуетъ бюро по пріисканію занятій: приказчикамъ, конторщикамъ, бухгалтерамъ и т. п. Лицъ, желающихъ получить трудъ и имѣющихъ предложить таковой, просятъ заявлять о томъ въ канцелярію О-ва.

Общество имѣетъ патронатъ для раненыхъ воиновъ.

30 к.

Пожертвованія сверхъ установленной платы принимаются съ благодарностью.

Съ требованіями сборника просятъ обращаться: Н.-Новгородъ, Б. Покровка, д. Бр. Фроловыхъ, О-во Вспомоществованія Частному Служебному Труду.